

★ Владимир ПЕРШАНИН ★

Я ПРОШЕЛ ДВЕ ВОЙНЫ!

Война. Штрафбат. Они сражались за Родину

Владимир Першанин
Я прошел две войны!

«Яуза»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Першанин В. Н.

Я прошел две войны! / В. Н. Першанин — «Яуза»,
2017 — (Война. Штрафбат. Они сражались за Родину)

ISBN 978-5-04-089366-9

Новая книга от признанного мастера жанра! Основанное на реальных событиях повествование о судьбе молодого командира Красной армии Василия Гладкова. Впервые попав на фронт в декабре 1939 года, Василий с небольшим перерывом продолжал сражаться с врагами нашей Родины до самой Победы. Сначала кровавая Зимняя война, где Гладков со своим взводом, утопая в снегу, прорывал печально знаменитую линию Маннергейма. Затем страшная Великая Отечественная война: Смоленское сражение, Битва под Москвой, Сталинград. Не ищите в книге громких подвигов – это лишь суровая окопная правда о Великой войне, в которой наши отцы победили фашизм.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089366-9

© Першанин В. Н., 2017
© Яуза, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Владимир Николаевич Першанин

Я прошел две войны!

© Першанин В.Н., 2017

© ООО «Издательство «Яуза», 2017

© ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Глава 1

Зимняя война

Рота понесла первые потери и залегла. Я лежал за большим валуном, покрытым шапкой снега, и всматривался в нагромождение спиленных сосен и каменную гряду, откуда нас обстреляли. Вели огонь два станковых пулемета, которые за короткое время выбили не меньше полутора десятков бойцов и тяжело ранили командира роты.

Мимо меня полз раненный в ногу красноармеец из соседнего взвода, ему помогал санитар. Когда они выползли на открытое место, снова заработал финский пулемет. Вернее, пулемет был немецкий, МГ-08 старого кайзеровского образца, похожий на наш «максим», только без щитка.

Расстояние составляло метров триста. Финский пулеметчик вложил одну и другую очередь довольно точно. Пули выбили крошево мерзлой земли и снега в метре от санитара и раненого бойца.

– Оставайся на месте, – приказал я санитару, рябоватому парню лет двадцати. – Наложат жгут потуже.

– Сейчас сделаю, товарищ лейтенант, – кивнул санитар. – Только его все равно надо поскорее на сборный пункт доставить. Крови много потерял.

– Под таким огнем ты его и себя на тот свет доставишь. Подожди немного, пока мы снова атаку не продолжим.

Короткими перебежками до моего укрытия добрался связной и сообщил:

– Через десять минут атака.

– Кто роту поведет? – спросил я.

– Политрук. Велел передать, чтобы наступали без остановок. Если его подранят, роту возглавит командир первого взвода Чередник.

Я кивнул и, пригибаясь, добрался до расчета «максима», который пристроился среди камней.

– Когда поднимемся, постарайся заглушить их станковый МГ-08.

Командир расчета, сержант Захар Антюфеев, рыжеволосый, широкий в груди и плечах, возился с прицелом.

– Сделаю, что смогу. Но у лопарей пулемет на салазках, они позицию все время меняют.

Коротко взвизнула пуля. Мы отчетливо услышали удар о человеческое тело. И тут же вскрикнул, заголосил санитар:

– Убили... мамоньки, убили меня.

Он ворочался, держась за бедро, а снег вокруг него набухал красным.

– Снайпер, – ахнул кто-то.

Я послал бойца помочь санитару, а в центре залегшей ротной цепи неуклюже поднялся в полный рост старший политрук Пуняев. Размахивая над головой наганом, закричал срывающимся голосом:

– В атаку! За родину!

Но рота продолжала лежать неподвижно. Топтался лишь политрук. Дважды выстрелив вверх, снова крикнул:

– В атаку!

Со стороны финских позиций хлопнули несколько винтовочных выстрелов. Раненный в живот Пуняев упал на колени, но упрямо поднялся. Командовать он уже не мог, но своим примером пытался воодушевить людей. В морозном воздухе сухо треснул одинокий выстрел. Пуля угодила политруку в лицо, он был убит наповал.

Цепь зашевелилась, некоторые бойцы открыли огонь из винтовок, но вставать никто не рискнул. Тем более снова заработали оба финских пулемета, ввинчивая над головами тягучий свист пуль.

Это был мой первый бой. Я запомнил его до мелочей. И неожиданную храбрость нашего политрука Пуняева, бывшего секретаря колхозного парткома, который ничем не выделялся. И залегшую роту, которая еще вчера бодро распевала: «Но от тайги до британских морей Красная армия всех сильнее», а сейчас боялась поднять головы.

Я зашевелился. Мелькнула мысль, что надо встать и вести за собой роту. Я даже перевернул затвор пистолета ТТ и поймал напряженный взгляд своего заместителя, старшего сержанта Михаила Ходырева, решительного и далеко не трусливого парня.

Михаил тоже не торопился вставать навстречу пулеметным очередям и метким выстрелам охотников-лопарей. Возможно, он ожидал, что нам, как было обещано, поможет артиллерия. Но легкие полковые «трехдюймовки», выпустив перед атакой полсотни снарядов, переключились на другие цели.

В этот момент раздался голос командира первого взвода Григория Чередника. Он командовал негромко, но отчетливо:

– Рота, слушай команду! Приготовить гранаты, вставить запалы.

Люди зашевелились, доставая гранаты из подсумков. Следом прозвучала очередная команда, более громкая:

– Рота, встать!

Бойцам уже не оставляли времени для раздумий и страха. Это была команда, которой учили красноармейцев до автоматизма, и она сработала. Люди торопливо поднимались, держа наперевес винтовки с примкнутыми штыками. Некоторые тяжело дыша, как после быстрого бега, – сказывалось напряжение последних минут перед броском под пули.

– В атаку! – звенящим командным голосом крикнул лейтенант Чередник.

Сейчас залечь никто бы не посмел. Вступал в действие жесткий армейский Устав, за нарушение которого людей отдавали под трибунал. Усилил огонь финский МГ-08, направляя трассы в сторону моего взвода. Навстречу ему частыми вспышками заработал «максим» сержанта Антюфеева.

Стреляли на ходу еще двое-трое сержантов, держа на весу ручные пулеметы Дегтярева. Во время атаки полагалось вести огонь всем, но люди были слишком напряжены, занятые одной мыслью: быстрее преодолеть это каменистое заснеженное поле.

Никто не пытался даже на минуту спрятаться за разлапистые ели или валуны. Вперед! «Ура!» не кричали, но когда снова стали падать убитые и раненые, по цепи прокатились невнятные выкрики многих голосов, которые превращались в рев.

В длиннополых шинелях, островерхих буденовках, со штыками, узкие лезвия которых сверкали под холодным зимним солнцем, эта ревущая цепь, ускоряющая свой бег, не могла не внушать страх, хотя перед нами был смелый противник. Финны будут до последнего драться за свою каменистую землю, леса и замерзшие озера.

Мы несли потери. В нескольких шагах от меня выронил винтовку боец моего взвода. Пуля, прошедшая навылет, вырвала клоч шинели на спине, разбрызгивая мелкие капли крови. Красноармеец шатнулся и осел на подвернувшихся ногах в снег.

Упали еще несколько человек. Один из МГ-08 замолк. Но продолжал почти без остановок молотить второй станковый пулемет. Его поддерживали несколько ручных пулеметов и не меньше десятка автоматов «суоми».

Возможно, финны заставили бы нас снова залечь. Но над головой с характерным воющим звуком пронесли несколько шестикилограммовых снарядов наших полковых пушек. Кто-то из бойцов шархнулся в сторону от близкого воя, но основная масса красноармейцев ускорила бег.

Два запоздалых артиллерийских залпа сыграли свою роль. Осколочные и фугасные снаряды свалили несколько елей, подняли фонтаны древесных обломков, камней и снега. Снаряды упали довольно точно, заставив финнов на какое-то время прекратить огонь и нырнуть на дно траншеи и в укрытия.

Когда они поняли, что русская артиллерия замолчала, первый, а следом и второй взвод уже приближались к их позициям.

Гриша Чередник, один из лучших курсантов нашего выпуска, командовал умело и четко:
– Огонь гранатами!

Бойцы встряхивали заряженные РГД-33, и увесистые шестисотграммовые гранаты, кувыркаясь, летели в траншею. Мой третий взвод немного отстал: преодолевали покрытую льдом низину и склон, усеянный камнями. Когда до траншеи осталось метров семьдесят, я увидел первого финна.

Настойчивая пропаганда убедила нас, что мы сражаемся с наймитами империализма, фашистами-шущманами из нацистского корпуса «Шуцкор», обманутыми солдатами из бедноты, и несем свободу финскому народу.

Обросший рыжей бородой финский солдат, ловко вскарабкавшийся на бруствер, не напоминал наймита или фашиста. Одетый в перепоясанный полушубок без знаков различия и овчинную шапку с кожаным верхом, он отчаянно матерился, вскидывая автомат «суоми» с дырчатым кожухом и круглым диском, очень похожий на наш автомат ППД-34.

– Курва русская... Молотов, Сталин нашу землю хотят!

Дальнейшее я не услышал. Бородач, прижимая автомат к плечу, водил стволом, опустошая емкий магазин на 71 патрон. Сноп огня, веер блестящих отстрелянных гильз, и оцепенение в предчувствии неминуемой смерти.

С такого расстояния он мог бы уложить и пять, и десять бойцов моего родного третьего взвода. Но нас спасло то, что финн недостаточно хорошо владел своим оружием. Тяжелый автомат, весом семь килограммов, ходил в его руках ходуном, выбрасывая сноп огня и шестнадцать пуль калибра 9,0 миллиметра в одну секунду.

Бородач выпустил диск меньше чем за минуту и торжествующе выругался напоследок, потрясая над головой автоматом. Я выстрелил в него дважды, но, видимо, промахнулся. На снегу лежал один из бойцов, зажимая ладонями живот.

– Степана убил, гад!

Автоматчик спрыгнул в траншею, а взвод прыжками бежал вперед. Снег был вытопан, передвигаться стало легче. Высунулись несколько голов: в немецких касках, овчинных шапках, суконных кепи. Винтовочные выстрелы и торопливые очереди финского ручного пулемета опрокинули еще двух бойцов, но остальные красноармейцы уже сблизились с врагом, стреляя сверху вниз.

Возможно, я допустил ошибку, не дав команду забросать траншею гранатами. Но события разворачивались слишком быстро. Пока бойцы возились бы с гранатами, половину бы перебили ружейным и пулеметным огнем.

Красноармейцы прыгали в траншею. Этот дружный напор заставил часть финских солдат отшатнуться, чтобы избежать летящих сверху смертоносных штыков. Другие отбивали удары или передергивали затворы своих винтовок со сложенными штыками, иначе в траншею с ними не развернуться.

Несколько секунд я стоял на бруствере. Внизу разворачивался ожесточенный рукопашный бой, с криками и руганью на русском и финском. С треском ломались от ударов приклады винтовок, стучали редкие выстрелы, вскрикивали раненые.

Я спрыгнул вниз, как прыгал с обрыва в холодную весеннюю воду нашей реки. Финский сержант, отбив удар штыка, выстрелил из карабина в красноармейца. Это был выстрел в упор,

который отбросил бойца к стенке траншеи. Обмякшее тело сползло на мерзлую землю, глаза невидяще закатились в подлобье. Другая пара глаз, из-под наползающей на лоб массивной немецкой каски, ловила каждое мое движение.

Финский сержант лихорадочно передергивал затвор карабина. Понял, что не опередит меня, и прыгнул, замахнувшись прикладом. Я успел выстрелить три раза подряд. Сержант падал на меня, не выпуская из рук оружия. Хотя удар частично утратил силу, окованный металлом затыльник обрушился на мое левое плечо, едва не сбив с ног.

Помкомвзвода Ходырев, смуглый, небольшого роста, владел штыком хорошо, и с маху вонзил его в живот финскому солдату. От удара слетела каска, я увидел светлые льняные волосы и широкоскулое, с нашими, русскими, чертами лицо.

Эта схожесть заставила меня невольно задержать взгляд на белокуром парне, а заминка в бою может мгновенно оборвать жизнь. Рослый солдат в серо-голубой шинели вскинул винтовку, но его опередил старший сержант Ходырев, успевший выдернуть штык и бросившийся на здоровяка.

Штык пропорол шинель, а пуля пронеслась в десятке сантиметров от головы, звонко врезавшись в ледяную стенку траншеи. Они сцепились, бросив бесполезное в эти минуты оружие – невысокий, но мускулистый и жилистый Миша Ходырев и рослый финский лесоруб, явно сильнее моего помкомвзвода.

– Уй-ее, арва! – рычал, перехватывая инициативу, финн, но ему мешала винтовка Ходырева, пробившая шинель и кожу на боку.

Она болталась, сковывая движения мощных рук. На помощь Ходыреву кинулся еще один красноармеец, но рослый финский солдат схватил рукой направленный на него штык и, согнув его, отбросил винтовку в сторону.

Я выпустил в него оставшиеся в обойме заряды. Затвор, лязгнув, отошел назад, показывая, что все патроны истрачены. Пока я перезаряжал свой ТТ, раненый финн, шатаясь, выбрался из свалки, понимая, что, несмотря на огромную физическую силу, его добьют. И он сумел уйти, хотя я видел, что как минимум две моих пули угодили в него.

Наша рота вытеснила финнов из первой траншеи. В горячке кинулись преследовать отступавшего врага, но выставленный заслон открыл довольно меткий огонь, Григорий Чередник приказал преследование прекратить и закрепляться в занятой траншее.

На участке нашего взвода мы насчитали пять убитых финских солдат. Бойцы рассказали мне, что тяжелораненых санитары быстро вывозили на деревянных лодочках-волокушах. Возможно, вывезли и часть своих погибших.

Из пятидесяти двух человек моего взвода погибли восемь бойцов, полтора десятка красноармейцев были ранены. В двух других взводах потери были несколько меньше. Рота в целом потеряла более двадцати человек погибшими и сорок с чем-то раненых.

Такие потери действовали угнетающе. Один бой – и едва не половина личного состава выбыла из строя. Погиб политрук, тяжело ранили командира роты, остались только взводные лейтенанты, принявшие свое первое крещение.

Григорий Чередник, мой старый товарищ, обходил позиции. Мы были с ним ровесники, закончили одно училище. Но, приняв на себя роту, он заметно изменился. Нет, он не заставил меня козырять и обращаться к нему по званию. В этом отношении Гриша не выпячивал своего превосходства.

Но когда я доложил потери взвода, он покачал головой и негромко заметил:

– Промедлил ты перед последним броском.

Я стал объяснять, что помешал скользкий склон и внезапно появившийся автоматчик, который открыл огонь длинными очередями едва не в упор. Будь на месте Чередника прежний ротный, он бы перебил меня и скорее всего отчитал на глазах у бойцов. Григорий выслушал доклад молча, достал папиросы, мы закурили.

– Много людей потеряли, когда ротного ранили, – сказал Чередник. – Пока суетились, на месте топтались.

– Ты молодец, Гриша. Под таким огнем роту сумел поднять.

– Тоже промедлил, – отмахнулся лейтенант. – Ждал, пока политрук команду даст. Ну ладно, первый рубеж одолели. Я у твоих бойцов трофейные автоматы видел.

– Три штуки взяли.

– Ну-ка, давай глянем.

Сержант Ходырев принес один из захваченных «суоми». Мы осмотрели трофей и пришли к выводу, что здесь, в лесной местности, автомат – штука эффективная.

– Да и тебе автомат бы не помешал, – заметил Чередник. – Взводные в первых рядах идут, а пистолеты или наганы – оружие для боя слабое.

Мой заместитель согласно кивнул, хотя автомат отдавал мне с явным сожалением.

– Берите, товарищ лейтенант. Я себе другой достану.

Ходырев отстегнул подсумок с запасным диском и протянул вместе с автоматом.

– Не жалко? – усмехнулся Гриша Чередник.

– Может, и жалко, но товарищу лейтенанту он нужнее. Я пока винтовкой обойдусь.

– Ладно, ребята, – поднялся Чередник. – Закрепляйтесь на новом рубеже, а мы с вашим командиром пойдем оглядим получше местность.

Когда отошли немного в сторону, мой старый товарищ по училищу, а теперь командир роты коротко обрисовал обстановку:

– Мы хоть и понесли потери, но боевую задачу выполнили. А вот первому батальону не повезло. Завяз на нейтралке под огнем, наверное, к вечеру снова будут атаковать. Ну а наша задача – удержать взятую траншею. Посты проверяй каждый час. До второй линии финской обороны всего полкилометра, а для них это не расстояние. За считанные минуты на лыжах проскользнут, тем более лопари каждый куст здесь знают.

Я кивнул, соглашаясь с Григорием. В его бинокль мы по очереди оглядели вторую линию траншей. Знаменитая линия Маннергейма, с ее мощными дотами и укреплениями, начиналась где-то впереди. На нашем участке дальнейший путь преграждал очередной завал из спиленных деревьев и плоский серый дот.

Задача продвигаться дальше пока перед нами не стояла – требовались более сильная артиллерия и танки. Главной задачей было удержать захваченные позиции. Чередник ушел на свой командный пункт, а я занялся взводными делами.

В тот день, после первого боя, я понял: все мы еще слабо представляли, что за война нас ожидает.

Мы гордились мощью Красной армии, когда на парадах по Красной площади проходили стройными рядами наши подтянутые бойцы. Поток двигались танки; тягачи везли огромные дальнобойные орудия, способные смести любую преграду. В небе плыли четырехмоторные бомбардировщики, целые авиаполки, заполняя все вокруг гулом мощных двигателей. Пронесли стремительные истребители с красными звездами на крыльях.

Я видел, как задирали головы иностранные дипломаты, внимательно наблюдая, что нового появилось в Красной армии. Смотрите! Наша армия самая сильная в мире. Мы не хотим войны, но сумеем обуздать любого захватчика или прийти на помощь братьям по классу, если они нас попросят. Никто не устоит перед мощью Красной армии!

А в захваченной с большими потерями вражеской траншее мерзла наша восьмая рота в ожидании контратаки, которая не станет для нас внезапной. Мы сражаемся за светлое будущее финских трудящихся и свой долг выполним.

Мой третий взвод удерживал траншею протяженностью метров четыреста – один боец на 10–12 метров. Жидковатая оборона. Но у нас имелся «максим», два ручных пулемета Дегтярева и три трофейных автомата «суоми». Кроме доставленных снабженцами боеприпасов,

мы нашли в траншее два ящика немецких гранат М-24 с удобными для броска длинными деревянными рукоятками.

Взвод покормили пшенной кашей с тушенкой. Чай хоть и остыл, но был крепкий и сладкий. В блиндаже спали свободные от дежурства бойцы, а мы со старшим сержантом Ходыревым по очереди проверяли посты.

Но как бесконечно долго тянулась северная декабрьская ночь! Не выдержав, я часов в шесть утра заснул, и Миша Ходырев проверил посты вместо меня.

– Почему не разбудили! – накинулся я на своего помощника, но Михаил, отогревая над печкой ладони, лишь пожал плечами.

– Все нормально, товарищ лейтенант. Вам отдохнуть надо, а я привычный. Мы тут чайку согрели. Пейте.

– Как обстановка? – спросил я, принимая кружку.

– Финны ракеты пускают. Напротив первого батальона стрельба была, но не сильная. Наверное, разведку проводили.

– Ну вот. А ты говорил, что все спокойно.

– Разведка – обычное дело, – невозмутимо ответил сержант. – Да и стреляли далеко от нас. Захар Антюфеев почти всю ночь у «максима» дежурил.

– Ему отдохнуть бы.

– Я его поспать отправил. Вон, храпит в углу.

Выпив горячий чай, я потянулся, перекинул через плечо автомат и пошел проверять посты. За спиной скрипел валенками по свежеевыпавшему снегу Ходырев.

Странный и какой-то зловещий был тот рассвет. Заметно похолодало. Густой синеватый туман расплзался по окрестностям. Он словно размывал все вокруг. В нем тонули, исчезали деревья, каменистые бугры, перелески. Видимость не превышала метров семидесяти, стояла тишина.

Я оглянулся и посмотрел на своего помощника Михаила Ходырева. Ресницы, отросшая щетина и суконный подшлемник были покрыты инеем.

– Чего не отдыхаешь? – спросил я.

Впрочем, причину я понимал. Ничего хорошего от такой тишины не дождешься – самая погода для финнов внезапно атаковать.

Я подошел к пулеметчику Карпухину Петру. Сняв рукавицы, он дышал на озябшие пальцы.

– Ну-ка врежь, Карпуха, пару очередей для сугрева.

Сержант оживился.

– Это мы можем.

Короткие трассы, выпущенные из Дегтярева, ушли в туман. Финны молчали. Напряжение усиливалось как натянутая пружина. Бойцы стояли, держа наготове оружие. Но какой редкой была цепочка обороняющихся! Выбьют одного-двух красноармейцев, и образуется брешь, сквозь которую прорвут нашу оборону и ударят с тыла.

Я невольно оглянулся назад. Там слышался скрип снега. Но это были свои. В ста метрах устанавливали легкую полковую пушку. Сержант Гриднев, старший расчета, сообщил, что их прислал командир полка.

– Место у вас на отшибе и лес близко подходит. В случае чего поможем.

Петр Гриднев считался одним из лучших командиров артиллерийского расчета – за плечами два года службы. В голосе сержанта слышались покровительственные нотки. Артиллерия – бог войны, а его короткоствольная пушка способна выпустить в минуту десятков шестикилограммовых осколочных или фугасных снарядов. Сметет любую наступающую цепь. Эти небольшие орудия называли «полковушки», они не обладали большой мощностью, но мы верили в мастерство наших артиллеристов.

Но как мало мы знали о характере будущей войны и повадках лесных жителей маленькой республики, которую собирались завоевать за считанные недели. Они крепко сплотились, готовые отдать свои жизни, но отстоять любой ценой свою землю.

Финны ударили с двух сторон. С небольшим опережением, почти бесшумно скользя на широких охотничьих лыжах, отделение финских разведчиков обрушилось на расчет сержанта Гриднева.

Они торопились вывести из строя скорострельную русскую «трехдюймовку», способную сорвать атаку своими увесистыми осколочными снарядами.

Все шесть финских разведчиков открыли огонь одновременно, из четырех автоматов и двух винтовок. Можно было сказать, что они добились своей цели. Почти весь расчет был убит или тяжело ранен в первые же минуты.

Финны уже прикрепляли к казеннику орудия связку динамита и подтаскивали ящик со снарядами, чтобы взрыв наверняка уничтожил пушку. Однако на войне даже хорошо подготовленные операции порой идут наперекосяк из-за торопливости или излишней самоуверенности.

От траншеи с карабином в руках бежал к своему орудью Николай Гриднев. Он определял сектор обстрела и, услышав автоматные очереди, торопился выяснить, что происходит. Увидев финских разведчиков в коротких меховых курточках, суетившихся вокруг пушки, понял ситуацию.

У него хватило выдержки остановиться и залечь за камнем. Горечь при виде неподвижных тел своих товарищей и злость на себя, что так не вовремя покинул расчет, мешали сержанту точно прицелиться. Лихорадочно передергивая затвор, он выпустил всю обойму и тяжело ранил одного из финнов.

В ответ ударили автоматные очереди, высекая каменную крошку из валуна, который прикрыл Гриднева от пуль. Обозленные разведчики прикончили бы сержанта, но у них не осталось времени.

Взрыв разнес затвор орудия и выбил одно из колес. Разведчики уложили раненого на две пары скрепленных между собой лыж и спешили уйти подальше от траншеи. Но приходилось тянуть тяжелый груз, а один из солдат, оставшийся без лыж, шагал по колее, тоже замедлял движение. Ничего, самое главное – свое задание они выполнили.

Для наших бойцов такие внезапные удары с тыла стали неприятной неожиданностью. Но и финны быстро почувствовали, что имеют дело с решительным врагом. Из-за валуна продолжал стрелять им вслед русский сержант, а из тумана выдвинулась размытая фигура подносчика боеприпасов.

Выстрел опрокинул пешего разведчика. Он был убит наповал, пуля угодила между лопаток. В сторону стрелка понеслись автоматные трассы, но он уже исчез в тумане. Летели пули из-за камня, взбивая снег под ногами лыжников.

– Погибшего оставим здесь, – дал команду старший разведгруппы. – Заберите его автомат и быстрее уходим, пока нас всех не перебили.

Об этой короткой схватке я узнал позже. А на роту обрушился огонь двух минометов – оружия, незнакомого большинству из нас. Мины с воем набирали высоту, замирали где-то в верхней точке, а затем с шипением падали почти отвесно вниз.

Самое дрянное, что от них не защищала даже глубокая траншея. Одна, вторая мина взорвались перед бруствером. Третья глухо рванула в узкой траншее – послышался крик. Ко мне подбежал Ходырев.

– Там Строкова Терентия убили. Ногу оторвало и всего осколками изрешетило. У финнов какие-то новые пушки появились. Вот, гляньте, товарищ лейтенант.

Старший сержант протянул на ладони хвостовик немецкой 80-миллиметровой мины. Мы изучали такие штуки в училище. Немцы приняли на вооружение минометы в середине тридцатых годов и поставляли их во время гражданской войны в Испании франкистам.

Преподаватели говорили, что это эффективное оружие. Мины летели довольно точно, видимо, траншея была заранее пристреляна. Но большинство мин взрывались позади или перед бруствером. А те немногие, которые падали в траншею, взрывались, почти не причиняя вреда.

Часть красноармейцев укрылись в блиндаже, другие вжимались в стрелковые гнезда или прятались в отсечных ходах. Наши бойцы быстро схватывали ситуацию, хотя лежать под минометным огнем было жутко. Мины падали сверху, такого никто не ожидал.

Раздался еще один приглушенный взрыв. Попадание в траншею. Один красноармеец погиб, а другой вымахнул за бруствер и побежал в сторону тыла. Его догнал Михаил Ходырев и потащил за шиворот снова в траншею.

– Ты что творишь, гад? За такие штуки трибунал...

Он не договорил и повалил струсившего бойца на землю. Мина рванула неподалеку, осколки с шипением пронеслись над головой, издали ударил пулемет, нащупывая очередями двоих русских, оказавшихся наверху. Ответный огонь, несмотря на падающие мины, открыл из «максима» Захар Антюфеев. Под его прикрытием Ходырев толкнул в траншею беглеца и спрыгнул сам. Пули запоздало хлестнули по мерзлomu брустверу.

– Подбери винтовку, чувырло! – не сдержавшись, закатил затрепину струсившему бойцу Ходырев.

Минометный обстрел длился недолго. Затем финны пошли в атаку. И снова они действовали неожиданно. Под прикрытием минометов на правом фланге скопилось несколько десятков лыжников и пеших солдат. Они не пошли в лоб на пулеметы, как наш батальон, а ударили во фланг девятой роты.

Фланги любого подразделения, как правило, самое слабое место. Соседний полк, выполняя свою задачу, наступал в стороне, отделенный от нас лесистой низиной. Наш командир полка Усольцев, предвидя возможный удар, выдвинул в помощь девятой роте две «сорокапятки».

Но они мало чем помогли. Десятка четыре лыжников в белых маскировочных куртках вылетели из заснеженного леса бесшумно и с разгона обрушились на девятую роту.

«Сорокапятки» успели сделать лишь несколько выстрелов. Вести дальнейший огонь было опасно – финны сблизались с нашими бойцами и двигались вдоль траншеи, забрасывая ее гранатами и стреляя на ходу из автоматов.

Я хорошо знал командира девятой роты, старшего лейтенанта Тимофея Козырева. То, что он командовал последней по нумерации ротой в полку, совсем не означало, что Козырев слабый командир. Ему было лет тридцать пять, и армейского опыта он имел достаточно, хотя и не воевал.

Козырев грамотно расставил своих людей. На фланге был установлен «максим» и один из ручных пулеметов. Однако бросок финских лыжников оказался настолько стремительным, что расчет «максима» успел дать две-три очереди и был расстрелян из автоматов.

В считанные минуты девятая рота понесла значительные потери. Торопливая винтовочная стрельба по мелькавшим лыжникам оказалась неэффективной. Бойцы просто не успевали прицелиться, и пули в основном шли мимо.

Взрывы гранат и плотный автоматный огонь заставляли красноармейцев искать укрытия, и рота в какой-то момент оказалась на грани уничтожения. Бойцы из молодняка растерялись. Те, кто пытался бежать, падали под пулями. А следом за лыжниками из лесной низины уже приближался усиленный пехотный взвод – не меньше полусотни финнов.

Старший лейтенант послал своего вестового, расторопного парня, к артиллеристам.

– Передай им, пусть отсекают пехотный взвод.

Сам Козырев собрал вокруг себя несколько надежных бойцов. Старшина раздавал им гранаты, а Козырев коротко и отрывисто приказывал:

– Дальше этого места не отступать, иначе все погибнем. Стрелять только прицельно, а когда лопари приблизятся, пускайте в ход гранаты.

Сам Козырев открыл огонь из ручного пулемета. К своим тридцати пяти годам Тимофей Филиппович не достиг высоких званий и должностей, но в сложных ситуациях действовал смело и решительно.

Очередями Дегтярева он свалили одного, другого лыжника. Сержанты и бойцы из старослужащих не хуже своего командира понимали опасность положения. Стреляли, выцеливая фигуры в белых маскхалатах, а затем стали бросать гранаты. Осколки «лимонок» и увесистых РГД-33 ранили еще несколько лыжников, в том числе финского лейтенанта.

Из клубящегося облака размельченного снега и дыма вынырнул одинокий лыжник. Понимая, что впереди его ждет смерть, он круто развернулся в обратную сторону.

Лыжники начали атаку стремительно, пользуясь своим мастерством, приобретенным с детства. Разогнавшись, они умело уходили от пуль, постоянно меняя направление и стреляя на ходу.

Они имели все шансы на успех, однако упустили его, наткнувшись на встречный огонь и взрывы гранат. Лыжники несли не такие и большие потери, но, утратив стремительность атаки, стали мишенью для винтовок и двух ручных пулеметов.

Прятаться наверху было негде. Финны залегли в снег, но это не спасало их от пуль и осколков гранат. Русские пришли в себя, а их командир, старший лейтенант, уверенно ломал ход боя.

В это же время открыли огонь осколочными и картечными снарядами обе «сорокапятки», накрыв наступавший пехотный взвод. В ответ вели огонь финские снайперы, пытаясь выбить расчеты небольших скорострельных пушек.

Как рассказывал нам позже Тимофей Козырев, и лыжники, и финские пехотинцы действовали смело. Оказавшись под огнем и неся потери, оба взвода пытались довести атаку до победного конца.

Догадавшись, что из ручного пулемета стреляет русский командир роты и под его началом усилили сопротивление красноармейцы, финский лейтенант, несмотря на ранение, предпринял отчаянный шаг.

Вместе с двумя другими лыжниками он попытался броском приблизиться к Козыреву и сбившимся вокруг него бойцам, чтобы уничтожить главный очаг сопротивления. Он выбрал момент, когда русский командир менял пулеметный диск. Счет шел на секунды, и если бы старший лейтенант промедлил, то угодил бы под автоматные очереди.

Ротного командира выручил многолетний опыт. Точным движением он поставил на место заряженный диск, передернул затвор и нажал на спуск. Финны открыли огонь, но Козырев их опередил. Несколько пуль пробили тело финского лейтенанта и опрокинули его на утоптаный снег, покрытый пятнами крови.

Помощник лейтенанта успел достать очередь с десяти шагов сержанта, командира отделения, но тоже угодил под пулеметную очередь. Из тройки финских лыжников, пытавшихся повернуть ход боя, уцелел лишь один.

С простреленной рукой, сжимая в другой автомат, он, пригнувшись, скользил на лыжах. Иногда оборачивался и грозил незваным пришельцам кулаком, что-то выкрикивая. В него стреляли из винтовок, бросали гранаты, но смелым везет. С силой отталкиваясь ногами, он достиг склона и покатился на лыжах вниз.

Следом быстро, как и появились, уходили остальные лыжники. Это была отчаянная и не слишком продуманная атака. Финны переоценили свою смелость. Рассчитывали, что красноармейцы, кое-как захватившие первую линию траншей, не выдержат напора и побегут.

Они почти добились своей цели. Но опытный русский командир и спаянная крепкой дисциплиной девятая рота хоть и дрогнули, но сумели отбить атаку. Несмотря на усилившийся огонь, лыжники отступали хладнокровно, увозя на самодельных салазках раненых товарищей и погибшего лейтенанта. Их отход прикрывали несколько автоматчиков.

Израсходовав большую часть боеприпасов, они огрызались короткими очередями и одиночными выстрелами. Восемь убитых лыжников остались лежать на снегу.

Пехотный взвод, наступавший следом, понес меньшие потери. Они вовремя поняли, что скорострельные русские пушки не дадут им достичь цели, и благоразумно отступили. Снайперскими выстрелами были убиты двое артиллеристов.

Девятая рота старшего лейтенанта Козырева и два расчета «сорокапятков» не просто отбили атаку, а сорвали подготовленный удар с фланга. В случае успеха роту бы просто смяли, а затем навалились бы на нашу немногочисленную восьмую роту.

Финны скопили для этого достаточно сил. Когда в низину обрушились снаряды дивизионных «трехдюймовок», перелесок спешно покинули сотни полторы солдат и ополченцев.

Для дальнейших действий им не хватало артиллерии. Финский батальон располагал всего лишь батареей 37-миллиметровок, не способных обеспечить прикрытие пехоты из-за своего малого калибра.

Минометы, которые крепко встряхнули нас, молчали. К ним не хватало боеприпасов.

Атака на нашу и седьмую роту также не увенчалась успехом. Атакующие ждали прорыва с фланга и большой активности не проявляли. Нас обстреливали все те же 37-миллиметровые «бофорсы». Снаряды весом семьсот граммов поднимали небольшие фонтаны снега и оставляли в мерзлой земле мелкие ямки.

Против пехоты они были малоэффективны, однако броню наших легких танков пробивали на расстоянии 500–700 метров.

В сторону моего третьего взвода продвигалась группа пехотинцев. Они проползли по снегу метров двести, умело используя ложбины и занесенные снегом камни. Наиболее активные солдаты ползли, выбирая сугробы.

Попав под обстрел, финны продвижение прекратили, но не тропились отступать, хотя в их сторону вели огонь два «максима» и несколько ручных пулеметов. Под ударами десятков пуль снег взлетал фонтанами, заставляя финнов искать более надежные укрытия – крупные валуны. Прячась за ними, снайперы огрызались редкими прицельными выстрелами.

Когда сорвалась атака на фланге, взвод так же неторопливо стал отползать, продолжая вести прицельный огонь из винтовок. Наши бойцы стреляли им вслед и кричали:

– Ну что, еще хотите?

При этом, воодушевленные успехом, некоторые красноармейцы высовывались по грудь над бруствером, чтобы лучше прицелиться.

– Не лезь под пули! – потянул я за шинель одного из красноармейцев.

– Они же удирают, – улыбаясь, возразил тот.

Такая неосторожность обходилась дорого.

У меня во взводе погиб от снайперского выстрела молодой боец. В то время у нас было мало касок, большинство красноармейцев носили шапки или буденовки из толстого сукна с подшлемниками. Боец как раз имел каску, но она его не спасла. Пуля, выпущенная с расстояния трехсот метров, пробилась и каску, и голову.

В отместку мы открыли огонь из всех стволов, но вряд ли он был результативным. Финские солдаты в своих маскировочных костюмах сливались со снегом, одеты были легко и быстро перемещались.

Самые большие потери понесла девятая рота. В строю у старшего лейтенанта Козырева остались около пятидесяти человек (треть личного состава), в том числе несколько легкораненых. Они не захотели покидать своего командира.

Наш комбат Ягупов получил выговор от командира полка. Комбат был из молодых выдвиженцев, лет в двадцать семь получил «капитана» и батальоном командовал с полгода.

– Теперь ты понял, что такое фланги? – отчитывал его долговязый полковой командир Павел Петрович Усольцев, начинавший воевать еще в Первую мировую. – Я ведь тебя предупредил, чтобы ты усилил девятую роту. Не просто так я им две «сорокапятки» выделил. И ты бы мог пару пулеметов из резерва дать. Если бы не расторопность товарища Козырева и меткий огонь артиллеристов, твой батальон бы смяли и уничтожили.

– Кишка у лопарей тонка третий батальон смять, – вызывающе и как-то по-детски оправдывался капитан Борис Ягупов. – Разве плохо ребята дрались?

– Ребята воевали нормально. Но удар для них оказался неожиданный, и здесь твоя вина. Бежать кинулись поначалу.

– За это я с ротного спрошу, – пытался показать свою решительность комбат.

– Ты что, ничего не понял? – покачал головой полковник Усольцев. – Удар был нанесен во фланг твоего батальона. Ты ночью обходил посты девятой роты?

– Это обязанность старшего лейтенанта Козырева.

– Ладно, пусть он что-то недосмотрел. А ты где был? Финны сосредоточили в переледке сотни две своих солдат. Не по воздуху же они летали. Какой-то шум, голоса можно было услышать.

На этом небольшом совещании присутствовали все ротные командиры. По их лицам полковник угадал, что хватит искать виновных. Надо сделать выводы, чтобы подобное не повторилось. И Усольцев сменил тон:

– Перед нами сильный противник. Финские подразделения мобильны, боевой дух солдат высокий. Это мы должны учитывать и прекратить ненужные разговоры о том, что финская армия после первых ударов развалится. Недооценивать противника – последнее дело. У них мало танков, самолетов, но это компенсируется смелостью и высокой активностью личного состава.

Мой товарищ, лейтенант Гриша Чередник, которого официально утвердили на этом совещании в качестве командира нашей восьмой роты, рассказывал мне, что впервые слышал такую объективную оценку врага. Не боясь, что его одернет вышестоящее политическое руководство, полковник Усольцев говорил откровенно с командирами рот и батальонов, призывая их трезво оценивать сильные стороны финской армии.

Многое из сказанного подтвердилось в ходе дальнейших боев.

В течение двух дней мы получали пополнение. Полк был усилен артиллерией, нам была придана танковая рота, и вскоре мы продолжили наступление.

Артиллерия и танки нам помогали крепко. Танковая рота состояла в основном из машин Т-26 и БТ-7. На меня произвел особое впечатление танк БТ-7, скоростной, с мощным двигателем и сильным вооружением – пушкой калибра 45 миллиметров и двумя пулеметами.

Легкие танки мы изучали в военном училище, умели даже водить некоторые из них. Но как они действовали в бою, я видел впервые.

Во время атаки к БТ-7 иногда цепляли (если позволяла местность) металлические волокуши с высоким передним бортом. Там помещалось 10–12 бойцов, несколько человек сидели на броню.

Несмотря на такую нагрузку, танк с его мощным двигателем в 400 лошадиных сил разогнался до 30–40 километров в час и «доставлял» красноармейцев вплотную к финским позициям.

Я слышал, как пули звенели о броню танка и металлический борт волокуши. Десантники, которые находились на броне, зачастую несли потери и спрыгивали на ходу. Волокуша была более надежным средством доставки, но применять ее можно было на ровной местности.

БТ-7, когда шел в атаку без грузовой волокуши, развивал скорость свыше пятидесяти километров. Мы с гордостью наблюдали, как мчатся на врага эти скоростные машины. Другой легкий танк Т-26 уступал ему, двигался медленнее. Но любая танковая поддержка поднимала дух бойцов.

Башенные «сорокапятки» и пулеметы вели непрерывный огонь. Град снарядов поднимал фонтаны дыма, снега, раскидывал древесные завалы. Несмотря на свою храбрость, финны прятались в траншеи, ослабевал огонь, и это помогало нам занять очередной рубеж с меньшими потерями.

В то же время тягостно было видеть, как снаряды замаскированных 37-миллиметровых пушек пробивали броню и поджигали наши танки, работающие на бензине.

На захваченных позициях мне приходилось видеть разбитые противотанковые пушки и 37-миллиметровые снаряды. Пушки не производили грозного впечатления своими тонкими стволиками длиной чуть больше полутора метров. А небольшие снаряды с ярко-желтыми гильзами и разноцветными головками казались игрушечными.

Но летящие со скоростью 750 метров в секунду, эти раскаленные головки с донными взрывателями прошивали броню, тела танкистов, отрывали конечности и воспламеняли бензиновые двигатели.

Во время одного из боев на моих глазах был подбит легкий танк Т-26. Этот самый многочисленный в Красной армии танк образца 1931 года имел броню толщиной всего 15 миллиметров. Хотя машина не обладала высокой скоростью (километров до 30 в час), экипаж, лавируя, вел огонь из башенного орудия и двух пулеметов и быстро приближался к вражеским позициям.

Мы бежали под его прикрытием. Я отчетливо услышал звук удара. «Игрушечный» снаряд просадил насквозь лобовую броню. Эти снаряды раскалялись в полете до малинового свечения. Брызнули снопом искры, машина дернулась и застыла.

Механик пытался запустить двигатель и уйти с линии огня. Следующий снаряд ударил в башню, танк задымил, показались языки пламени. Они вырвались из открытого люка, пробоин. Спустя считанные минуты вспыхнул двигатель.

Успели выскочить двое ребят из экипажа. На одном из них горел комбинезон, он катался по снегу, сбивая пламя. Мы помогали ему, сорвали тлеющий комбинезон, накинули шинель.

Старшина-танкист крикнул мне:

– Уходим, сейчас рванет. В машине почти сотня снарядов.

Я оглянулся на бегу. Никогда бы не мог подумать, что так может полыхать металл. Пламя гудело, как в топке, поднялось грибовидное облако маслянистого дыма. Внутри что-то трещало и лопалось. За какие-то пять минут боевая машина превратилась в огненный шар.

Дым прикрывал нас от пуль, которые летели со стороны финских позиций. Бросившись в снег, я стрелял по вспышкам из трофейного «суоми». Вели огонь из винтовок бойцы моего взвода.

Сильный взрыв заставил нас прикрыть головы – сдетонировали снаряды. Полукруглую башню накренило, разлетелись мелкие обломки и какие-то горящие клочья, которые гасли на снегу.

Снаряды взрывались пачками, сотрясая машину, в нескольких местах лопнула броня. Выбило переднюю часть башни, пушка повисла на исковерканных креплениях стволом вниз. Закопченная снарядная гильза взлетела как ракета и упала в снег рядом с нами.

– А командир там остался, – кивнул в сторону горящего танка старшина. – Не успели мы нашего лейтенанта вытащить.

Гибель машины и ее командира произвела на нас тягостное впечатление. Хотя нам не раз приходилось видеть сгоревшие танки, этот эпизод крепко врезался в память.

Если до этого мы зачастую ворчали на танкистов, которые, по нашему мнению, недостаточно активно поддерживали нас, то теперь изменили свой взгляд.

Вспомнили, как горели и взрывались машины, которые поддерживали пехоту в наступлении. А ведь нередко погибал весь экипаж, чтобы проложить пехотной роте дорогу и погасить пулеметные точки.

Быстрой победы не получалось. Финны дрались упорно. Большинству из нас и в голову не приходило, что мы ведем несправедливую войну. Да и не положено солдату размышлять, что верно, а что неверно. Получил приказ – выполняй его!

В опасной близости от Ленинграда находилась буржуазная страна, от которой, согласно советской пропаганде, можно было ожидать чего угодно. Нашей задачей являлось предотвратить опасность внезапного нападения. Что мы и делали, неся немалые потери, вторгнувшись на чужую землю.

Глава 2

Линия Маннергейма

Война с Финляндией продолжалась с 30 ноября 1939 года по 12 марта 1940 года. Получившая название Зимняя война, она не принесла Советскому Союзу славы. Наша страна, как агрессор, была исключена из Лиги Наций.

По данным, обнародованным в 90-х годах, Красная армия потеряла в этой короткой войне убитыми, умершими, пропавшими без вести 130 тысяч бойцов и командиров. Финны потеряли 25 тысяч человек убитыми и 45 тысяч ранеными.

Некоторые историки считают, что непродуманные операции нашей армии в Зимней войне, за ходом которой внимательно наблюдал Адольф Гитлер, привели его к выводу о слабости Красной армии, ее командования, и укрепили намерение напасть на Советский Союз.

Но, говоря о Зимней войне, следует отметить, что вооруженные конфликты редко возникают на пустом месте.

Осенью 1939 года, видя, как фашистская Германия упорно продвигается на восток, Советское правительство обратилось к Финляндии с предложениями обмена территориями, чтобы отодвинуть границу на Карельском перешейке, которая проходила в 30 километрах от Ленинграда и крупной военно-морской базы. Кроме того, выдвигались настойчивые требования отдать Советскому Союзу в долгосрочную аренду порт Ханко.

Если переговоры насчет Карельского перешейка имели какие-то перспективы, то отдать порт Ханко финны категорически отказывались. Он прикрывал вход в Финский залив и являлся важной стратегической точкой в обороне Финляндии.

Финская армия насчитывала всего 200 тысяч солдат и офицеров, слабую артиллерию, небольшое количество легких танков «Виккерс» и около 300 самолетов. Говоря об авиации, следует отметить, что малочисленные финские авиационные соединения сбили в воздушных боях около 200 советских самолетов, потеряв лишь 62 свои боевые машины.

Красная армия на 30 ноября 1939 года имела на границе с Финляндией и вблизи нее 2900 танков, три тысячи самолетов, а общая численность личного состава составляла около полумиллиона человек.

На «освобождение» Финляндии советским командованием отводилось три недели, и победоносный поход должен был закончиться до 21 декабря, ко дню рождения Сталина. Но упрямые финны испортили праздник.

Красная армия натолкнулась на стойкую оборону регулярных частей и ополченцев. Мы еще не дошли до знаменитой линии Маннергейма, главной оборонительной линии этой небольшой страны, но сразу почувствовали, что война легкой не будет.

Я уже дал описание одного из первых боев, в котором мне пришлось участвовать. Оценивая высокие боевые качества финской армии, я категорически не согласен с публикациями 90-х годов, когда некоторые военные историки и журналисты с плохо скрытым злорадством пытались показать, что Красная армия воевать не умела. Мол, наши командиры, запуганные сталинскими репрессиями, проявляли беспомощность, страх перед вышестоящим начальством, а полками и бригадами командовали вчерашние лейтенанты, не имевшие ни опыта, ни нормальной подготовки.

Это было не так, хотя какая-то часть истины в подобных утверждениях имеется. Но, вспоминая Зимнюю войну 1939–1940 годов, могу уверенно сказать, что воевали мы не так и плохо.

Главной ошибкой считаю, что наше командование не учло специфики будущей войны. Откуда взялось ложное убеждение, что финские солдаты побегут после первых залпов нашей

артиллерии? Что они не желают воевать за свое «буржуазное» правительство и с нетерпением ждут прихода Советской власти?

Главнокомандующий финской армии Карл Маннергейм, опытный военачальник, трезво оценивающий ситуацию, хорошо понимал, что даже самая мощная оборонительная линия не спасет его страну. Любая крепость рано или поздно будет разрушена и взята врагом.

Маннергейм создал мощную оборонительную линию, названную его именем, шириной 130 километров и глубиной 90 километров. Но главную надежду он возлагал на своих солдат, офицеров, а также простых ополченцев. Моральный дух защитников страны был высок, они были твердо намерены сражаться, несмотря на явное превосходство Красной армии.

Компенсируя недостаток тяжелого вооружения, маршал Маннергейм сделал свою армию маневренной, способной наносить быстрые удары с тыла и флангов. Многочисленные лыжные батальоны, роты, просто отряды, хорошо знающие местность, воевали налегке, были хорошо вооружены и способны преодолевать десятки километров за считанные часы.

Я отвлекусь от общих фраз и расскажу лишь несколько эпизодов.

Наш батальон продвигался по зимней дороге. Впереди, как положено, шла разведка. Уставшие от долгого перехода роты растянулись километра на полтора.

Валенки – хорошая теплая обувь для зимы. Но если кому приходилось шагать в них долго, да еще и с оружием и грузом на плечах, тот знает, как утомляет эта ходьба. Кажется, что ноги отваливаются, и с нетерпением ждешь привала.

А груз я вам перечислю. Винтовка, 100–150 патронов, две-три гранаты, саперная лопатка, фляжка с водой, котелок, запасное белье, индивидуальный санитарный пакет и что-нибудь, навьюченное старшиной, из ротного имущества (коробка с пулеметной лентой, кусок брезента, кирка и т. д.) – повозок, как всегда, не хватало.

Время перевалило за полдень, люди устали, стихли разговоры. Кто-то поскользнулся на обледеневшей дороге, загремел котелок, винтовка упала в снег. Молодому бойцу помогли подняться, а старшина приказал:

– Прочистить ствол не забудь.

– Ладно...

– Не ладно, а сейчас же. Иначе первым же выстрелом разорвет.

Первого выстрела долго ждать не пришлось. Из овражка, метрах в ста пятидесяти от дороги, ударили сразу 5–6 автоматов и захлопали винтовки. Одновременно поднялась стрельба в голове колонны.

– Ложись! – крикнул наш ротный Григорий Чередник.

Обстрел батальона на марше всегда является неожиданностью, хотя за эти дни мы уже изучили повадки финских диверсионных отрядов. Внезапного удара можно ждать в любом месте.

Судя по всему, нас обстреливала группа численностью 15–20 человек. Что происходило впереди, мы не знали. Большинство красноармейцев залегли после первых же выстрелов. Щелкали затворы винтовок, сержант Антюфеев разворачивал свой «максим».

Спустя считанные минуты колонна огрызнулась ответным огнем. В нашей восьмой роте имелись два «максима» и несколько ручных пулеметов Дегтярева. «Максимумы», ровесники Первой мировой войны, не считались тогда устаревшим оружием. Они имели хорошую прицельность, и финны предпочитали сразу уходить из-под их плотного огня.

Цепочка лыжников быстро скользила по заранее определенному маршруту, прячась за деревья и кустарник. Когда группа исчезла, оставив убитого лыжника, санитары доложили Череднику, что в роте погибли трое красноармейцев, несколько человек были ранены.

Самые большие потери понесла седьмая рота, идущая впереди. Их обстреляли из миномета. Кроме того, финны перегородили дорогу и обочины противопехотными минами, на которых подорвались двое бойцов и лейтенант, командир взвода.

Но и финские диверсанты угодили под пулеметный огонь. Попытались вынести своих убитых и раненых, образовалась толкучка. Командир седьмой роты и отделение разведчиков воспользовались суматохой, открыли прицельный огонь и уничтожили семь-восемь финских солдат во главе с офицером.

На сани спешно грузили раненых, их набралось более двадцати человек, и отправили под охраной в санчасть. Вскоре появился командир полка Павел Петрович Усольцев. Соскочив с коня, постоял возле погибших бойцов (их было одиннадцать).

– Теряем людей, – хриплым простуженным голосом проговорил он. – И не в наступлении, а на марше. Твоя вина, Ягупов.

Наш комбат молча стоял навтытяжку.

– Ну, докладывай, как финны вам бока намяли.

Капитан, запинаясь, доложил о внезапном нападении.

– Внезапное, – с невеселой усмешкой проговорил Усольцев. – Внезапно только муж с командировки возвращается. А все остальное можно предусмотреть заранее. Почему именно на ваш третий батальон напали, а не на второй?

– Потому что мы последними шли, – угрюмо отозвался капитан. – Легче ударить и отойти. Но и мы отпор дали, девять «шуцкоровцев» положили.

– И своих бойцов больше тридцати потеряли.

– Война без жертв не бывает...

Временами мне казалось, что полковник Усольцев относился к командиру нашего третьего батальона предвзято. Хотя хорошо понимал, что мое мнение, молодого взводного лейтенанта, всего полгода назад закончившего училище, никто всерьез не примет.

А командир полка тем временем отрывисто перечислял ошибки, допущенные комбатом Борисом Ягуповым. Батальон отстал от других подразделений, растянулся на полтора километра, а это значит, ослабил свою боеспособность.

– По дороге плелись три роты, почти не связанные между собой, – не повышая тона, говорил полковник. – Пару часов назад помощник начальника штаба вам делал замечание, но вы мер не приняли. Наблюдение за флангами велось из рук вон безобразно. Отделение разведки сбилось в кучу и было наполовину уничтожено в первые же минуты боя. А надо ли было собирать их всех вместе? Часть разведчиков следовало рассредоточить на флангах, тогда мы бы избежали внезапного удара с двух сторон.

Ничего не скажешь, полковник Усольцев был прав. Теперь я видел наш батальон другими глазами. Молодой комбат Борис Ягупов, быстро продвигавшийся по служебной лестнице, нас, взводных, замечал, лишь когда мы допускали промахи.

За те месяцы, что он командовал батальоном, он ни разу «не опускался» до простого разговора со мной, как и с остальными взводными лейтенантами. Сейчас я невольно испытывал чувство удовлетворения, что высокомерный комбат получил заслуженную оценку. Нехорошее это чувство (что-то вроде злорадства), но я даже ожидал, что Ягупова снимут с батальона.

Однако комбат был оставлен на своей прежней должности. Уезжая, полковник даже приободрил Ягупова:

– Смотри веселее, капитан. За одного битого двух небитых дают. Не простая здесь обстановка, будь начеку и строже взыскивай со своих командиров.

С настоящими трудностями мы столкнулись, когда подступили к линии Маннергейма. Эти укрепления, практически перегораживающие весь Карельский перешеек, упирались своими флангами в Финский залив и Ладожское озеро. Строительство линии началось почти сразу же после обретения Финляндией независимости в 1918 году и продолжалось с перерывами до 1939 года. Десятки больших и малых дотов маскировались среди лесного массива, каменных

уступов, огромных валунов. Каменистые гряды тянулись в разных направлениях, их пересекали речки. На перешейке было много озер.

Наряду с небольшими дотами постройки двадцатых годов позже были возведены более мощные доты. Все они отличались большой толщиной железобетонных стен (до 2 метров) и горизонтальных перекрытий.

Что представляла собой линия Маннергейма, можно судить по трехкилометровому участку между озером Сумма-Ярви и незамерзающим болотом Мунасуо.

На левом фланге возвышался мощный дот длиной 60 метров и шириной 12 метров. Вооружение гарнизона составляло три пушки и более десятка пулеметов. Полутораметровый бетонный потолок был усилен каменной насыпью в два человеческих роста. Помещение для гарнизона, склады боеприпасов и продовольствия располагались на десятиметровой глубине.

В километре от этого дота находилось второе укрепление с лобовой бронированной стеной толщиной полметра. На этом трехкилометровом участке находились еще два таких же мощных дота, а между ними 13 дзотов.

Подходы к дотам прикрывали противотанковые рвы, проволочные заграждения и многочисленные каменные надолбы. С тыла эту оборонительную систему защищала бетонная стена с амбразурами для пушек и пулеметов.

В период Зимней войны линия Маннергейма удерживала наступление Красной армии около двух месяцев. Наши войска несли огромные потери, проводя лобовые атаки. Многочисленные полевые пушки и даже гаубицы калибра 122 и 152 миллиметра не могли разрушить эту оборонительную систему.

Скажу прямо, если бы наш полк после первых боев бросили на штурм линии Маннергейма, он был бы уничтожен в считанные дни или недели.

Нам в какой-то степени повезло. Мы около месяца воевали на другом участке. Слово «повезло» можно смело взять в кавычки. В течение декабря мы испытали на себе, что такое не подготовленная толком война в лесистой, горной местности, среди болот и речек.

Декабрь 1939 года стал для меня школой, какую я не прошел бы и в самом лучшем военном училище. Вскоре перестали быть неожиданностью внезапные налеты лыжников или штурмовых пехотных групп, которые широко практиковали финны.

– Какая внезапность? – говорил ротный Козырев, прошедший пятнадцать лет службы. – Кто это слово выдумал? Глядеть надо в оба и схватывать привычки врага.

Кстати, вскоре старший лейтенант Козырев заменил комбата Ягупова. Вроде тот отморозил пальцы на ногах и был отправлен в санбат. Но, как мы понимали, это был лишь повод.

Тимофей Филиппович Козырев оказался куда более сильным командиром, чем капитан Ягупов (вскоре Козырев тоже получил капитанское звание).

Учитывая то, что мы постоянно действовали в лесистой местности, он обеспечил хорошую дозорную службу. На марше впереди батальона всегда шла группа из 5–7 разведчиков на лыжах с ручным пулеметом.

Разведчики по штатному расписанию в стрелковом батальоне предусмотрены не были, лишь при штабе полка имелся взвод пешей разведки. А между тем батальоны по штатам 1939 года насчитывали три стрелковых роты и пулеметно-минометную роту, всего 600–620 активных штыков, не считая вспомогательных подразделений.

Без хорошо налаженной разведки и дозоров в условиях карельских скал и лесов это была бы толпа – хорошая мишень для снайперов и замаскированных засад.

Пулеметно-минометная рота в нашем полку числилась лишь на бумаге. Минометов у нас не было, а «максимы» распределялись по батальонам. Какое-то количество этих надежных, но устаревших пулеметов держал в резерве командир полка.

Козырев через своих приятелей в службе снабжения дивизии обменял две повозки, которые постоянно вязли в снегу, на сани и установил на них «максимы». Это сразу дало результаты.

Разведчики в один из дней обнаружили впереди завал из спиленных елей. Приближаться не стали, а, высмотрев в бинокль засаду, открыли с трехсот метров огонь из «максима».

Финны, находившиеся в засадах, имели, как правило, легкое стрелковое оружие – автоматы, винтовки, иногда один-два ручных пулемета. И огонь открывали, подпустив наших бойцов на сто – сто пятьдесят шагов. На триста метров эффективность таких засад была невелика.

Между тем «максим» на своем тяжелом станке клал очереди в цель на пятьсот метров и дальше. Расчет Антюфеева, самый сильный не только в роте, но и в батальоне, прижал засаду к земле, а бойцы стали окружать финнов с двух сторон.

Им нельзя было отказать в решительности. Три десятка лыжников оборонялись отчаянно, но переоценили свои силы. Скорострельные автоматы «суоми», эффективные в ближнем бою, сыпали пули с большим разбросом. Ручной пулемет тоже не обеспечивал нужного эффекта.

Точные очереди «максима» пробивали древесные стволы, за которыми прятались финны, и выбивали стрелков одного за другим. Хорошие охотники и умелые лыжники, финские солдаты и ополченцы зачастую свысока воспринимали красноармейцев в их длиннополых, громоздких шинелях, с трудом преодолевающих сугробы.

Но чем сильны были наши взводы и роты, это – слаженностью и дисциплиной. Батальон нес потери от точных выстрелов снайперов, но упорно замыкал кольцо. Финская засада, порой наносящая нам немалые потери, сама оказалась в полукольце. А когда стала прорываться, угодила под очереди второго «максима» и дружный огонь сразу двух взводов.

Я видел, как финны пытались вывезти на волокушах своих раненых. Это упорство и самопожертвование внушало уважение. Командир финского взвода, держа на весу ручной пулемет, стрелял, укрываясь за сосновым стволом. У ручных пулеметов сильная отдача, и такая стрельба бесполезна, хотя подобные сцены часто можно видеть в военных фильмах.

Но реальный бой – это не кино. Финский лейтенант показал свою храбрость, не более. Хотя ему следовало командовать и спасать остатки взвода, который смешался и действовал разрозненно.

Очередь «максима» выбила древесное крошево, в разные стороны брызнули куски коры. Лейтенант выронил пулемет и, пригибаясь, заскользил прочь на своих коротких лыжах. Одна рука бессильно свисала, он что-то выкрикивал, затем свалился в снег.

Его подхватили двое солдат. Михаил Ходырев выстрелил, ранил одного из солдат и передернул затвор.

– Поздно, лопари хреновы. Все здесь останетесь.

Как и другие красноармейцы, сержант был обозлен потерей товарищей и постоянным холодом, который выматывал людей, – почти все мы страдали от цистита, обморожений, лопались губы.

Я стрелял из трофейного автомата, подаренного мне Михаилом. Кажется, подранил второго солдата. Из засады, ставшей ловушкой, сумела вырваться лишь половина диверсионного отряда. На месте боя мы насчитали четырнадцать финнов.

Один из них был еще жив. Он лежал окровавленный, с перебитой ногой. Когда к нему приблизился молодой младший лейтенант из девятой роты, финский сержант выстрелил в него из «парабеллума». Пуля вырвала клочок кожи из полушубка, младший лейтенант застыл от неожиданности с наганом в руке.

Выстрелить второй раз у финна не хватило сил. Кто-то из бойцов добил его ударом штыка и протянул командиру «парабеллум»:

– Возьмите на память, товарищ лейтенант. Сегодня вы заново родились. С пяти шагов редко промахиваются.

Козырев не скрывал удовлетворения, что не дал развернуться вражеской засаде и уничтожил половину финского взвода. Усольцев скупое его похвалил и, глядя на разбросанные в снегу тела, проговорил:

– Это только начало. Тяжело нам даже мелкие успехи достаются.

Капитан Козырев, да и мы с Гришей Чередником не считали этот успех мелким, но благоразумно промолчали. В ходе боя погибли семь-восемь красноармейцев. Если бы мы не открыли огонь первыми, жертв было бы больше. Стычки с финнами, как правило, обходилось нам дорого.

Правоту нашего бывшего командира полка Усольцева мы поняли, когда подступили к укреплениям линии Маннергейма. Здесь полк хватанул в полной мере фунт лиха.

Говорят, что весной и летом здешние места исключительно живописны. Голубые озера, высокие ели и сосны на скалах, прозрачные горные ручьи. Даже хорошую лирическую песню сочинят:

Долго будет Карелия сниться,
Будут сниться с этих пор
Остроконечных елей ресницы
Над голубыми глазами озер...

Душевная песня. Хорошо ее петь у костра на берегу озера или речки. И мне часто снилась Карелия до сорок первого года, в хорошее теплое время я там ни разу не побывал. И воспоминания остались совсем другие.

В серый декабрьский день полк окапывался в сосновом лесу. Впрочем, «окапывался» – слишком громко сказано. Долбили мы каменистую промерзшую землю. Гнулись и ломались саперные лопатки. Одолеть промерзшую землю можно было лишь ломом и кирками, а обломками лопат, как совками, выгребали мерзлое крошево.

От тяжелой безостановочной работы стало жарко. Сбросили полушубки, шинели, телогрейки, оставшись в гимнастерках или даже в нательных рубашках.

Во время коротких перекуров оглядывались по сторонам. Земля была покрыта снегом, но все вокруг казалось серым и мрачным. Скалы с пучками бурого мха, холодное небо, сплошь затянутое облаками, и даже вода в незамерзающей речке казалась темной и густой, хотя, когда ее приносили в котелках, чтобы утолить жажду, она была совершенно прозрачная, родниковой чистоты.

Серой глыбой проглядывал крупный дот, с которого бомбежкой сорвало маскировку. Командиры рот во главе с комбатом Козыревым разглядывали его в бинокль. Там же находился командир гаубичной 122-миллиметровой батареи, приданной нашему батальону.

Меня, как и других взводных, на это совещание (или рекогносцировку) не приглашали. Наше дело телячье, закапывайся и жди команды. Мой вестовой Балакин Егор, накиннув на гимнастерку, взмокшую от пота, свою прожженную у костров шинель, сворачивал самокрутку и рассуждал:

– Это хорошо, что гаубицы подвезли. Нашими полковыми «трехдюмовками» только ворон пугать. А у гаубиц снаряды двадцать два килограмма весом. Ударят крепко.

Я машинально кивнул, соглашаясь с ним, хотя на душе от всей этой беспросветной серости было мутно. Да и старые гаубицы образца 1909 года, короткоствольные, с деревянными тележными колесами, не казались мне таким уж грозным оружием. Говорят, толщина пушечных финских дотов полтора метра. Такую стену не просто проломить.

– Что из дома пишут? – спросил я Егора.

– Ждут, когда война закончится. Обещали одним могучим ударом с врагом покончить, а конца что-то не видно. Зато сколько уже людей погибшими да покалеченными потеряли.

– Ты поменьше на эту тему распространяйся, – посоветовал я Егору. – Сам знаешь, как за длинные языки люди страдают.

– Я вам, товарищ лейтенант, как своему рассказываю, о чем все думают.

– А ты сам не видишь? Не так все просто получается. Кто рассчитывал на такое упорное сопротивление!

– За свою землю они крепко драться будут. Упрямый народ, – не скрывая уважения к врагу, просто, по-крестьянски рассуждал Балакин.

Мы были с вестовым земляками. Сам себя он называл ординарцем. Балакин жил в небольшой деревне Проломиха, километрах в тринадцати от моего родного села Коржевка. Он пришел с недавним пополнением. Егору было лет тридцать, а в армию он не попал в свое время, так как работал на оборонном предприятии, лесозаводе, где поставляли для нужд армии добротные мачтовые сосны и деревянные брусья.

Егор был физически крепок, и как многие сильные люди, добродушен по характеру.

Его хотели поначалу поставить третьим номером в расчет «максима», но я забрал Егора вестовым, сославшись, что с четырьмя классами в пулеметчиках ему делать нечего. Взвод нередко растягивался в извилистую цепочку, и мне нужен был расторопный боец для связи с командиром роты и другими взводами.

Но главной причиной было то, что у Балакина было трое детей, и я хотел в какой-то степени обезопасить отца большого семейства, не имевшего военного опыта. Хотя и вестовые, и ординарцы нередко попадали под пули.

На следующий день мы начали штурм укреплений. Гаубичный дивизион (12 орудий) обрушил на финские позиции град снарядов. Артиллерийская подготовка длилась минут сорок. Вокруг гремело и ухало, пелена дыма застилала скалы и лес.

– Пушкари что-нибудь видят в этом дыму? – пробормотал Гриша Чередник, отрываясь от бинокля.

– Наверное, цели заранее пристреляны, – предположил я, – вчера вечером сколько-то снарядов выпустили.

– Да сделайте передышку! – с досадой сказал лейтенант. – Или они решили весь запас снарядов сразу выпустить.

Мы не были специалистами в артиллерийском деле, но эта торопливая стрельба по целям, утонувшим в дыму, доверия не внушала.

Комбат Козырев, обходя роты, напоминал командирам:

– Когда начнем атаку, ни в коем случае не останавливаться. Нас поддержат танки и полковая артиллерия.

Мы согласно кивали в ответ. За последнее время роты были пополнены до штатной численности. Мой взвод насчитывал пятьдесят два человека, а наша восьмая рота – сто шестьдесят.

Меня тревожило, что пришла слабо обученная молодежь и люди, призванные из запаса. Некоторым было лет под сорок, и они проходили службу в двадцатых годах. С тех пор многое изменилось. Но по крайней мере, они обладали хоть какими-то навыками, умели окапываться, хорошо знали наше основное оружие, трехлинейную винтовку Мосина.

Во взводе по-прежнему имелись два ручных пулемета Дегтярева и станковый «максим». Кроме того, мы получили на роту шесть автоматических винтовок Симонова (АВС-36), по две на каждый взвод.

По своим боевым качествам (по крайней мере, теоретически) винтовка выгодно отличалась от других образцов, в том числе «самозарядки» СВТ-38. У симоновской винтовки был

емкий магазин на 15 патронов. Кроме того, она могла вести автоматический огонь. Упором служил штык, который втыкался в землю. В какой-то мере она могла служить как легкий ручной пулемет. Обе винтовки в моем взводе получили опытные сержанты, в том числе одну из них – Михаил Ходырев.

Перед штурмом нас неплохо снабдили гранатами. В основном РГД-33 и старыми осколочными гранатами системы Рдудловского образца 1914 года. Я бы предпочел более простые и более сильные «лимонки» Ф-1. Но они давали большой разброс осколков и для наступательного боя считались неподходящими.

Граната Рдудловского весила восемьсот граммов, и реально ее можно было использовать на расстоянии метров пятнадцати. Тяжеловатая для броска штука. Граната РГД-33, более легкая (600 граммов), была довольно сложной в обращении для неопытных бойцов.

Для броска требовалось вставить запал (их обычно носили отдельно), повернуть рукоятку, встряхнуть гранату и лишь затем бросать ее во врага. Бывалые солдаты умело пользовались этими довольно сильными гранатами. Новички, не прошедшие обучение, терялись, боялись встряхивать заряженные РГД-33 и порой швыряли их как камни.

В целом я бы сказал, что роты были неплохо вооружены, имели в достатке боеприпасов, и в тот декабрьский день я надеялся, что штурм первых укреплений пройдет успешно. Особенно после такой мощной артподготовки и при поддержке танков.

Местность перед укреплениями была в свое время очищена от деревьев и представляла бугристое поле, усеянное валунами, торчали сухие пни и редкая молодая поросль.

Мы наступали через лес, обходя укрепления с флангов. Ночью здесь поработали саперы, извлекли какое-то количество мин и растяжек. Поганая штука – растяжка. На тонкой проволоке, натянутой между деревьями, да еще утопленная в снегу, подвешена обычная ручная граната и несколько брусков тола в жестяной банке, набитой гайками, мелкими болтами, рублеными гвоздями.

Эта штука посильнее, чем противопехотная мина, и если бойцы идут кучно, взрыв и осколки могут убить, искалечить сразу несколько человек.

Иногда гранат подвешено несколько, обычно «лимонки». Заметить такую ловушку, если ее предварительно не обезвредили саперы, практически невозможно. Поэтому бойцы моего взвода шагают осторожно, глядя себе под ноги. Мы наступаем на правом фланге, а через поле идут два танка Т-26.

Первую сотню метров прошли в тишине, недоброй, зловещей, готовой внезапно обрушить на нас вой снарядов и пулеметные очереди. Словно обломанная ветка, сухо прозвучал одинокий выстрел. Шагах в двадцати от меня ворочался и стонал тяжелораненый пулеметчик. Это сработал снайпер.

Пуля ударила сержанту в грудь. Его торопливо перевязывали. Я спросил второго номера:

– Справишься один?

– Справлюсь. Но желательно бы помощника, диски нести. С таким грузом стрелять несподручно.

Помощника выделили, а раненого торопливо унесли в санчасть.

Этот одиночный выстрел стал слово сигналом. Бойцы, прижимаясь к соснам, открыли огонь из винтовок. Куда они стреляли, было непонятно, а продвижение замедлилось.

– Вперед! – кричали сержанты.

Взвод заторопился. Я подтолкнул в плечо молодого красноармейца, упорно не хотевшего выбираться из-за сосны, которая казалась ему надежным убежищем.

– Егор! Балакин! – позвал я вестового. – Не давай людям останавливаться.

Старший сержант Михаил Ходырев и несколько других командиров отделений вели взвод вперед. Я шел вдоль края просеки. Оба танка сопровождения обогнали нас и открыли

огонь из пушек. Много ли было толку от стрельбы из «сорокапяток» по бетонному доту? Но в ответ полетели вражеские снаряды.

Неплохо разогнавшийся мой третий взвод вдруг выскочил на просеку. Финны не успели очистить ее от спиленных деревьев, а может, специально оставили – здесь было негде прятаться.

Люди на несколько секунд замерли. Кончился защищавший их лес, впереди был открытый участок, а за ним массивный дот. Этой бетонной глыбе досталось от гаубичных снарядов. Я видел щербины, закопченные пятна, а в одном месте снаряд отколол кусок бетона – он повис на арматурных прутьях.

– Не останавливаться! – размахивал пистолетом командир роты Григорий Чередник. – Пулеметчики, огонь!

Но огонь открыли финские пулеметы. Их было штук пять, и по крайней мере три из них МГ-08 с высокой точностью стрельбы. Оба танка, сопровождавшие наш батальон, отреагировали мгновенно. Скорострельные башенные «сорокапятки» посылали снаряд за снарядом, целясь в амбразуры.

Вести огонь на ходу малоэффективно. Одна из машин приостановилась, успела выстрелить раз-другой и, кажется, угодила в амбразуру. Но за уничтоженный финский пулемет пришлось заплатить дорогую цену. Из амбразуры в верхней части дота вырвался узкий язык пламени. Стреляла легкая пушка, наверное, 37-миллиметровка «бофорс», которые поставляла финнам Швеция. Малый калибр компенсировался высокой скоростью снаряда – 800 метров в секунду, который раскалялся до малинового свечения.

Я успел разглядеть при сумрачном зимнем свете мелькнувший огненный трассер, ударивший в лобовую часть Т-26. Наверно, он угодил в механика-водителя, пробив, как картонку, 15-миллиметровую броню.

Двигатель взревел, заглушая орудийные выстрелы второго танка, пулеметную стрельбу и сразу заглох. Из башенного люка выскочили двое танкистов, их догоняло пламя, разгоравшееся в машине, работающей на бензине.

Второй Т-26 дал задний ход. В его сторону вела огонь еще одна пушка, скорее всего трехдюймовая. При всей своей решительности финны не были опытными артиллеристами. Два снаряда врезались в мерзлую землю и отрикошетили, не задев Т-26. Машина уходила задним ходом к лесной полосе, продолжая вести огонь из пушки и обоих пулеметов.

Все это я наблюдал мельком, затем побежал к просеке, где за поваленными соснами прятался мой взвод. Бойцы вели огонь, стараясь не высываться из-за деревьев. Пули свистели, звонко вонзались в мерзлую древесину, выбивали искры из каменистой земли и валунов.

Вместе с Егором Балакиным мы подбежали к месту, где скопилось десятка полтора красноармейцев.

– Не сбивайтесь в кучу. Накроют одним снарядом. Продвигаемся вперед.

Пока это было возможно. Сваленные деревья, защита от танков, спасали атакующих красноармейцев. Но плотный огонь пулеметов находил свои жертвы. Бежавший впереди сержант и один из бойцов упали одновременно. Красноармеец так и остался лежать, а более опытный сержант отполз за дерево.

Я сумел поднять десятка два бойцов, и мы продвинулись еще на полсотни метров. Нас неплохо прикрывал уцелевший танк и пулеметный расчет Захара Антюфеева. Но эти полсотни метров обошлись новыми убитыми и ранеными.

Замолчала после удачных попаданий одна, другая амбразура, но после короткой паузы возобновили огонь финские пулеметы.

«Трехдюймовка» из громоздкого дота достала Т-26, стрелявший из-за деревьев на краю просеки. Бронебойный снаряд врезался в сосну. Мерзлое дерево словно взорвалось от удара шестикилограммовой раскаленной болванки. В разные стороны брызнули дымящиеся куски

древесины. Перебитая почти пополам, высокая сосна обрушилась на молодые деревья, а танк оказался на открытом пространстве.

Командир погнал машину под защиту растрескавшегося массивного камня. Второй снаряд (это был фугас) рванул в двух метрах от танка. Перебил гусеницу, смял скрепленные металлическим каркасом четыре небольших колеса и обездвижил машину.

Младший лейтенант упрямо разворачивал пушку в сторону дота, но следующий снаряд пробил башню, сорвав ее с погона. Успел выскочить лишь механик-водитель. Для десятитонного Т-26 с его тонкой броней попадание такого снаряда было смертельным.

Огонь охватил машину, взорвался боезапас, вскрыв броню. Сквозь трещину вырывался скрученный язык огня, на снег падали хлопья сажи. Почти одновременно вышел из строя наш станковый пулемет. Очередь финского МГ-08 пробила в нескольких местах кожух, из отверстий текла парящая на морозе вода, разогретая от быстрой стрельбы.

И все же наша рота медленно продвигалась вперед, как и весь батальон. Над нами висел приказ, нарушить который мы не имели права. Командиры рот, взводов и сержанты подталкивали бойцов, однако напор явно слабел.

Для успеха не хватало артиллерийской поддержки. Я видел, как снаряд «бофорса» угодил в станковый пулемет девятой роты и разбросал по снегу искореженные обломки. Два человека из расчета погибли.

Люди нервничали, некоторых охватил страх. Михаил Ходырев бегло стрелял из своей автоматической винтовки. Но я видел, что мой помощник, отличавшийся хладнокровием, сейчас с трудом владел собой.

Вместе с ним и еще пятью бойцами мы добежали до каменного валуна, наполовину вросшего в землю. Камень был размером с небольшой сарай, высотой чуть больше метра. Это было последнее укрытие перед финскими дотами, до которых оставалось метров сто двадцать.

Я понял, что дальше нам не продвинуться. В нашу сторону вели огонь два пулемета и полдесятка автоматов. Стоял непрерывный треск ударяющихся о камень пуль. Сверху сыпались мелкие каменные осколки, фырчали и свистели на все лады сплюснутые пули.

Два снаряда, выпущенные противотанковой пушкой «бофорс», довольно точно взорвались на краю глыбы. Сноп осколков раскидало в разные стороны, а пучок каменного крошева ударил в снег в нескольких шагах от нас.

Мы невольно поджали ноги. Если финны пустят в ход минометы, то долго мы здесь не протянем. Я с тоской осознавал, что завел своих бойцов в ловушку. Если высунуться, то можно отчетливо увидеть амбразуры, но нам не дадут сделать и нескольких выстрелов.

Первый взвод во главе с Чередником вдруг поднялся и побежал, охватывая укрепления с фланга. Я понял, что старый товарищ пытается продолжить атаку и выручить меня. Гриша рассчитал верно. Внимание финнов было приковано к моему взводу, и ему удалось вместе с двумя десятками бойцов зацепиться за край каменной гряды.

Сделал попытку прорваться к укреплениям и мой третий взвод. Как я понял, людей пытался поднять оставшийся без пулемета сержант Антюфеев. Но далеко они не продвинулись и снова залегли за сваленными деревьями. На снегу остался лежать убитый красноармеец. Другой уползал, волоча пробитую ногу. Рядом плясали фонтанчики мерзлой земли и снега. Через минуту он дернулся и застыл. Вокруг него парила на морозе растыкающаяся лужа крови.

Не иначе как от отчаяния я высунулся из-за камня и открыл огонь из автомата, целясь в ближнюю к нам амбразуру. Ответная пулеметная очередь прошла в метре от меня, выбивая искры из камней. Одна из пуль, отрикошетив, ударила в казенник автомата с такой силой, что я невольно выпустил его из рук.

В ту же секунду я почувствовал, как чьи-то руки тащат меня под защиту валуна, а пулеметная очередь крошит каменный уступ, раскидывая искры и острые осколки.

– Василий, ты чего под пули суешься? Взвод без командира оставить хочешь?

Надо мной склонилось лицо сержанта Ходырева. Приходя в себя, я сел, привалившись спиной к камню.

– Вот черт, автомат испортили, гады! – Кто-то нервно засмеялся в ответ, а я достал свой ТТ и передернул затвор. – Гранаты у всех есть?

– Есть, – откликнулись сразу несколько голосов. – Пусть попробуют сунуться!

Думаю, что нашу роту добились бы, а остальной батальон откатился с большими потерями назад, если бы не комбат Козырев. Он вернулся под пулями на командный пункт полка и убедил Усольцева поддержать гаубицами атаку.

– Восьмая рота в ста метрах от укреплений находится. Две другие роты тоже хорошо продвинулись. Надо срочно поддержать их.

– Твои роты наступают, а ты что в тылу делаешь? – усмехнулся комиссар полка Залевский. – От пуль прячешься или жаловаться прибежал?

Увидев, как побагровело лицо Козырева от незаслуженного обвинения, половник Усолец сделал знак комиссару, чтобы тот помолчал.

– Твой участок, товарищ Козырев, у нас не один. Но две полковые «трехдюймовки» мы, пожалуй, сумеем выделить. Правда, снарядов в обрез. По десятку на ствол.

Опытный командир Козырев хорошо понимал, что две короткоствольные «полковушки» с прицельной дальностью четыреста метров в данной ситуации ничем не помогут.

– Нужны гаубицы, – упрямо мотал головой комбат. – И чем быстрее, тем лучше. Хотя бы десятка два снарядов, и роты сделают последний бросок.

Неизвестно, как повернулась бы ситуация. Гаубичный дивизион, поддерживающий полк, подчинялся своему начальству и не входил в штат нашего пехотного полка. Но Козырев рисковал не зря, проделав почти километровый путь под пулями и оставив в нарушение Устава свой батальон без командира.

На командном пункте полка находился заместитель командира дивизии, молодой полковник, примерно одних лет с капитаном Козыревым. Он внимательно оглядел комбата. Тот еще не пришел в себя от быстрого бега, рукав шинели был пробит осколком, на тыльной стороне ладони запеклась струйка крови.

– Больше никогда не вздумайте оставить свой батальон без командира, – сухо обронил полковник. – Если не хотите угодить под трибунал. Немедленно возвращайтесь к себе.

– А что с гаубицами?

– Мы поможем вам сделать рывок. Гаубичная батарея окажет поддержку. Но для вас обратного пути нет. Либо вы берете вражеские укрепления, либо...

– Так точно, – бросил ладонь к виску Козырев.

Четыре гаубицы с расстояния семисот метров после короткой пристрелки дали еще восемь залпов. Мощности их снарядов не хватило, чтобы разрушить доты или нанести им серьезные повреждения. Для этого требовался куда больший калибр, чем 122 миллиметра.

И не от большой доброты помог нам молодой полковник, замкомандира дивизии. Просто он оценил умелые действия комбата Козырева, который сумел продвинуть свои роты ближе всех к финским укреплениям. На остальных участках дела обстояли куда хуже.

Фугасные снаряды били в мощные лобовые стены дотов. Дым разрывов рассекали снопы искр от ударов тяжелых снарядов о крепкий железобетон. Он не поддавался. Нам помогло мастерство артиллеристов. Хотя гаубицы предназначены в основном для ведения навесного огня, но с расстояния семисот метров все четыре пушки имели возможность бить прямой наводкой.

Помогло и то, что финские специалисты считали сильной стороной своих бетонных дотов довольно большое количество амбразур. Они помогали обеспечить высокую плотность огня.

Простреливались перекрестным огнем все подходы, но броневые заслонки не обеспечивали достаточно высокой степени защиты.

Один из снарядов проломил двухдюймовую заслонку и разбил скорострельную пушку «бофорс». От близких разрывов заклинило две заслонки на пулеметных амбразурах, получили контузии и были оглушены несколько расчетов.

Мы бросились в атаку (последний рывок!), когда еще не рассеялся дым сгоревшей взрывчатки. Это позволило приблизиться к укреплениям метров на пятьдесят. Но оседающую дымовую завесу уже прорезали трассы пулеметных и автоматных очередей.

Тройной ряд колючей проволоки был разорван во многих местах снарядами. Однако обрывки торчали повсюду, проволока сплелась в клубки, которые надо было обходить под огнем.

Этот участок обошелся батальону в десятки погибших и раненых бойцов. Те, кто замедлил бег или пытался найти укрытие от пуль, падали один за другим. У нас был только один выход: как можно быстрее достичь укреплений. На таком расстоянии спрятаться от сплошного потока пуль было невозможно.

В какой-то момент я с отчаянием подумал, что тоже останусь лежать среди поваленных столбов и цепляющихся за валенки обрывков проволоки.

– Ребята, только вперед!

Был ли толк в моих командах, которыми я глушил собственный страх и подбадривал своих бойцов? В нескольких шагах от меня осел на подломившихся ногах красноармеец. Пули пробили его насквозь, вырвав клочья шинели. Пулеметная очередь приближалась ко мне. Я пригнулся, бросился вперед и свалился, угодив ногой в проволочную петлю.

– Товарищ лейтенант!

Рядом залег мой вестовой Егор Балакин, а я разглядел пулеметчика, стрелявшего в меня. Он стоял в окопе и менял магазин своего ручного пулемета. Над бруствером виднелась его голова в немецкой каске и руки, вставляющие в паз массивный диск на сто патронов. Он нервничал, и нервничал старший сержант Ходырев, посылающий пулю за пулей из своей автоматической винтовки.

Финский солдат с лязгом отвел назад затвор (нас разделяли четыре десятка метров), а плечистый, длиннорукий красноармеец Балакин, встав на колени, швырнул гранату.

Я стрелял в финского пулеметчика из своего ТТ, не надеясь опередить его, но и погибать без боя, запутавшись в проволоке, тоже не хотел.

Граната, брошенная Балакиным, взорвалась с недолетом. Уклоняясь от осколков, пулеметчик пригнулся. Вестовой поднял облепленную снегом винтовку и дергал затвор, не сводя замороженного взгляда с пулеметного рыльца – с такого расстояния финн не промахнется.

Михаил Ходырев в разорванной о колючую проволоку шинели целился из своей автоматической винтовки в пулеметчика. Он послал две короткие очереди подряд, я отчетливо слышал сквозь треск выстрелов, как лязгает затвор, досылая очередной патрон из магазина в казенник.

И еще я услышал характерный звук пули, пробивающей металл. Пуля оставила на каске хорошо различимое небольшое отверстие. Тяжелораненый пулеметчик сползал в окоп, продолжая цепляться за рукоятку. У Ходырева опустел магазин, он торопливо менял его на новый.

Мы с Балакиным стреляли, отгоняя от пулемета солдата, который пытался перехватить рукоятку.

– Щас я его гранатой, – выкрикнул кто-то из моих красноармейцев и, поднявшись в рост, швырнул РГД.

Она взорвалась в окопе, раскидав в стороны обоих солдат и подкинув вверх пулемет с расщепленным прикладом.

С помощью Балакина я торопливо выпутывался из колючей петли. Ходырев и остальные красноармейцы вели дружный огонь из винтовок. Плоский дот с разводами камуфляжной краски, похожий на притаившуюся черепаху, окутался гудящим пламенем – он угодил под струю огнемета.

Бойцы, покинув укрытия, бежали вперед. Наконец выпутавшись из колючки, я догнал их. Едва не на каждом метре лежали убитые и раненые красноармейцы.

Но рубеж был преодолен. Восьмая и девятая рота уже оказались в «мертвой зоне», недосягаемой для огня из амбразур.

Часть из них были закрыты броневыми заслонками, из других продолжали стрелять.

В отверстия летели гранаты, бойцы карабкались вверх на крыши дотов и здесь в упор схватывались с защитниками укреплений. Один из красноармейцев достал завернутую в тряпки бутылку с горючей смесью. Бросить ее в люк не успел, его в упор застрелил унтер-офицер. Бутылка разбилась, но не загорелась, растекаясь по бетонной крыше.

Я дважды выстрелил в унтер-офицера и, отцепив от пояса «лимонку», швырнул ее в люк. Взрыв прозвучал глухо, где-то в глубине бетонного колодца.

Сапер поджег связку толовых шашек и крикнул нам:

– Уходите с крыши! Сейчас здесь все в огне будет.

Связка полетела в люк, а бутылка с горючей смесью воспламенила дот. Мы убегали от шипящего липкого пламени вместе с финнами. Внутри дота начали взрываться боеприпасы, вывернуло броневую заслонку, из прямоугольного отверстия вырвались языки огня.

Саперы взрывали и поджигали остальные доты. Финны отходили, огрызаясь винтовочными выстрелами и автоматными очередями. Из этого гарнизона их осталось совсем немного, но и мы несли потери.

Глядя на многочисленные тела погибших красноармейцев, я с тоской подумал, что вряд ли судьба сбережет меня в этой жестокой войне. Я собирал своих бойцов, мы перевязывали раненых. Я был оглушен сильным взрывом и плохо слышал.

Спустя несколько недель, в конце января, я получил тяжелое ранение и был отправлен в госпиталь. Кроме двух пуль, пробивших грудь и правую руку, я обморозил пальцы на ногах, которые долго заживали, причиняя боль не менее мучительную, чем раны.

В госпитале я как бы со стороны узнавал о событиях, происходящих на Зимней войне. После двух месяцев неудачных попыток прорыва линии Маннергейма было заменено командование фронтом, разработаны более эффективные методы.

В ход пустили восьмидюймовые гаубицы Б-4 калибра 203 миллиметра. Но даже стокилограммовые снаряды зачастую не могли пробить мощные доты. Взрывом бетонобойных снарядов глушили и выводили из строя гарнизоны укреплений, лишали их способности эффективно сопротивляться.

Авиация сбрасывали тяжелые бомбы, которые пробивали перекрытия и обрушивали доты. Из развалин и замаскированных люков выползали контуженные, оглушенные защитники укреплений с поднятыми руками.

Солдаты и их командиры сражались отчаянно, но, видя безнадежность сопротивления, сдавались в плен, рассчитывая на милость победителей. Они не хотели умирать.

Я не слышал ни об одном случае расстрела пленных. В бою мало кого щадили, но после боя сдавшихся не трогали и даже оказывали медицинскую помощь. Такова была специфика той войны.

Тогда же я узнал, что нам приходится сражаться с армией, которая была вооружена гораздо лучше, чем мы рассчитывали. Финляндия получила от Франции через посредников 170 самолетов, около пятисот тяжелых орудий и большое количество боеприпасов. Двести пушек и более 100 самолетов поступило из Англии. Наши «добрые друзья» англичане не поску-

пились и передали Маннергейму десять тысяч противотанковых мин и 18 тысяч авиабомб, в основном крупного калибра.

Так что не такой простой была эта недолгая война, которая дорого нам обошлась. В марте 1940 года, увидев, что наступление Красной армии успешно развивается, финское правительство пошло на подписание мира. Оно согласилось отодвинуть границу с Советским Союзом на Карельском перешейке и передать нашей стране в аренду на 30 лет полуостров Ханко с прилегающими островами.

И вопрос здесь стоял не только в территории, которая была не слишком велика. Можно по-разному оценивать Зимнюю войну, но мы сумели значительно укрепить наши северо-западные границы и обезопасить от внезапного удара Ленинград.

Я был награжден медалью «За боевые заслуги». Григорий Чередник получил орден Красной Звезды.

И еще одна маленькая подробность. Когда я выписывался из госпиталя, со мной провел беседу комиссар. Он пожелал хорошо отдохнуть (я получил двухмесячный отпуск), похвалил «за умелое командование и личную храбрость» и деликатно посоветовал не вести лишних разговоров о наших потерях в войне, возможных ошибках. Больше пропагандировать отвагу красноармейцев и преданность присяге.

Я молча кивнул. Сейчас я хотел только одного – быстрее вернуться домой и провести эти два месяца с родными.

Глава 3

Между двумя войнами

Я родился 11 апреля 1918 года в селе Коржевка Инзенского района, в 45 километрах от небольшого уездного городка и станции Инза. До областного центра – Ульяновска – 140 километров. Кто-то скажет: «Глухое место!» Может, оно и так. До железнодорожной станции целый день добираться надо. А весной, в распутицу, по нашему раскисшему проселку лучше вообще не соваться – липкий чернозем и талые ручьи между холмами.

Впрочем, я свою Коржевку глушью не считал, а город меня не интересовал. Село располагалось среди лесов, рядом река Сура. Огромные сосны, березовые рощи, много грибов, ягод, росли орехи.

Поляны среди деревьев в июне – июле усыпаны земляникой. Она поменьше городской, садовой, но запах и вкус совсем другой. В избу лукошко с земляникой внесешь, запах такой, что слюнки текут.

Помню, что сахара постоянно не хватало. Мама насыпала собранную землянику в большое глиняное блюдо, часть ягод давила ложкой и наливала молоко. Получалась такая вкуснятина, что мы оторваться не могли, всей семьей хлебали, пока блюдо не опустеет. Избалованы мы не были, время не слишком сытное.

Семья, как и большинство других в тогдашних селах, была у нас не маленькая. Пятеро детей. Старшая сестра Катя, затем я, брат Федя и две маленьких сестреники. Из довоенных событий наибольший след оставила во мне коллективизация, которая началась весной 1929 года.

Не берусь судить, насколько необходима была эта мера, но проводилась она, как и многое в стране, поспешно, под сильным давлением властей, с криками, перебранкой... и слезами. Крестьян поделили на две категории: середняки и бедняки. Насчет кулаков скажу, что их у нас почти не было.

Выселили из кирпичного дома одну зажиточную семью и увезли на станцию под охраной милиционеров и активистов. Ходили слухи, что у них обнаружили крупную сумму денег и золотые царские монеты. Позже объявили кулаками или подкулачниками еще одну семью, которая упорно не хотела вступать в колхоз. Их тоже куда-то выселили, отобрав почти все, кроме одежды и домашнего скарба.

Скажу прямо, что в колхоз люди шли с большой неохотой. Особенно крепкие работающие крестьяне, которых причисляли к середнякам. Такие семьи жили и питались неплохо, за счет постоянного упорного труда всей семьей. Те, кто победнее, завидовали им, злословили. Не хотели видеть, что это относительное благополучие дается нелегким трудом.

Помню, забегала к нам соседка попросить в долг то соли, то спичек или постного масла полстакана. Принюхается и давай жаловаться: вот, мол, вы хлеба вволю едите, а у нас мука давно кончилась и рожь на мельницу не на чем отвезти. На самом деле с хлебом было много возни, и ленивые хозяйки не любили возиться с выпечкой, не спать ночью.

Мама очень не хотела вступать в колхоз, до слез жалела нашу корову, которую надо было сдавать в общественное стадо.

Мой отец Николай Афанасьевич был хорошим строителем. С весны до осени ездил с небольшой бригадой по окрестностям селам и районам, строил дома, амбары, помещения для скота. При этом он успевал вести и собственное немалое хозяйство, тут уж работали мы все, начиная лет с десяти. Каждый получал задание, исходя из возраста и своих возможностей.

Но если мама наотрез отказывалась от вступления в колхоз, то отец, грамотный и рассудительный человек, понял, что деваться некуда. Грозили отобрать приусадебный участок, лишить права пользоваться сенокосными угодьями. А могли и выселить к черту на кулички.

Мне было одиннадцать лет, я учился в третьем классе. Разговоры о колхозе, брожение в селе, ругань между соседями прошли как-то краем, человек ко всему приспосабливается. Мама стала работать на ферме, отца назначили бригадиром строителей. Жить стали похуже, но мы и до этого большого достатка не имели. Помню, меня удивила первая «колхозная зарплата», то бишь плата за трудодни, положенная за сезон отцу и матери.

На большом куске брезента возле амбара стояли мешка четыре немолотой ржи, гороха, ячменя, которые мы долго очищали от мусора и остяков.

Прожить на эти трудодни было невозможно. Тем более рожь еще требовалось везти на мельницу и отдать какую-то часть за помол.

Нас выручала картошка, чем славится Ульяновская область. Каждую весну вспахивали плугом огород и собирали неплохой урожай хорошей картошки. Выращивали тыквы, огурцы. В лесу собирали грибы, варили из них суп с пшеном и сушили на зиму.

Как правило, в сентябре солили грузди. Тщательно мыли их, перекладывали смородиновыми листьями, и грузди квасились в погребе месяца полтора. Ели их с луком, добавляя немного подсолнечного масла. Картошка, грибы, слегка подслащенный чай – чем не ужин? Держали десятка полтора кур, иногда выращивали уток.

Хлеб пекли в русской печи, большие ржаные ковриги. Запах печеного хлеба остался в памяти, ели его с удовольствием. Мясо бывало лишь по праздникам, осенью или зимой. В остальное время его заменяли все те же грибы или яйца.

Я увлекался рыбалкой. На Суре вместе с братом Федей и соседскими ребятами ловили удочками небольших голавлей, пескарей, подлещиков. Но чтобы рыбачить всерьез, требовалось время, а его у меня не было. Лет с тринадцати я активно работал в домашнем хозяйстве, летом подрабатывал на колхозном току или в бригаде отца.

И мать и отец хотели, чтобы я закончил семилетку. Во многих семьях считали, что пять-шесть классов вполне достаточно. Тем более в школу в те годы начинали ходить с восьми лет. А в селе лет с четырнадцати, и даже раньше, начинали трудиться наравне со взрослыми.

Учился я неплохо, в основном на «хорошо». Отличные оценки имел по физкультуре, географии, истории. Хотя роста я был не слишком большого, но работа по хозяйству хорошо развивала мышцы. Зимой любил ходить на лыжах. Читал довольно много. В детстве мне нравился Жюль Верн, Майн Рид, позже с удовольствием читал Чехова, Станюковича, Бориса Лавренева (один из моих любимых писателей) и других авторов.

В пятнадцать лет я окончил семилетку и вступил в колхоз. Хотел работать строителем вместе с отцом, но требовались подсобники в колхозной конюшне, куда меня и определили.

Какие события вспоминаются в те годы? В село часто приезжала кинопередвижка. Я посмотрел знаменитого «Чапаева», «Путевку в жизнь», «Веселые ребята». Любовь к кино, так же как и к книгам, сохранилась во мне до преклонных лет.

В 1934 году у нас в библиотеке появилась недавно вышедшая книга Николая Островского «Как закалялась сталь». Она меня буквально потрясла. Я видел себя в образе Павки Корчагина, сражался с белогвардейцами, строил какую-то очень важную для страны железную дорогу. Тогда же я сделал попытку вступить в комсомол.

Мне отказали как выходцу из семьи середняков, которые ставят выше всего личное благо. Припомнили, как неохотно вступала в колхоз наша семья.

– Павка Корчагин таким не был, – подвел итог наш секретарь Анатолий Бондарь. – Прояви себя, Гладков, покажи, что ты предан делу партии и комсомола. Тогда посмотрим.

– Где я себя проявлю? – огрызнулся я. – На конюшне, что ли?

– Трудись, умножай колхозное добро. Принимай участие в общественной жизни. А пока ты еще не созрел.

Я ушел с собрания расстроенный дальше некуда. Дело в том, что уже в то время я подумывал о поступлении в военное училище. Но сына крестьянина-середняка, да еще и не комсомольца, вряд ли туда примут. «Ну и черт с вами, проживу и так», – злился я на Бондаря и его приспешников.

Но вскоре все изменилось. Меня перевели в строительную бригаду, а моя старшая сестра Катя, закончив педагогическое училище в городе Корсун, стала работать учительницей начальных классов. Передовиком я не был и вперед не лез, но свою работу старался делать на совесть, как нас приучил отец. Да и не хотел его подводить, ведь я трудился под его началом.

В комсомол я вступать больше не пытался. Тем более на танцах поспорился с комсомольским вожаком Бондарем из-за девушки, Зины Матюшиной. Не сказать, что у нас была большая любовь, но она мне нравилась, я ее провожал домой, мы целовались. А о чем-то более серьезном я и думать в семнадцать лет не мог. Вернее, думать-то думал, но нравы были другие. Не скажу, что довоенное село жило как монастырь. Были у нас и молодые вдовы, и девушки, которые жили с парнями. Бабки им косточки перемывали, осуждали, но этим дело и ограничивалось. Жизнь есть жизнь, всякое бывает.

Зина была о себе высокого мнения, хорошо одевалась, а со мной встречалась, словно делала одолжение. Может, потому что со мной можно было поговорить о книгах, кино, и парень я был не из последних. Физически крепкий, мог за себя постоять и отшить соперника.

Но спустя какое-то время я Зине, видимо, надоел, и она стала встречаться с Анатолием Бондарем. Из-за этого мы едва не подрались, но комсомольский секретарь сделал вид, что он выше всяких склок. Думаю, на самом деле он меня просто боялся.

А в комсомол я вступил с помощью Кати. Вернее, с помощью ее подруги Киры Мельниковой. Они учились вместе в педагогическом училище, но Киру выдвинули на работу в райком комсомола.

Как инструктор, она ездила по селам, проводила собрания, проверяла работу комсомольских ячеек. Приехав в Коржевку, она осталась ночевать в нашем доме. Стройная, короткостриженная, в потертой кожаной тужурке, она сразу мне понравилась. Кира была на два года старше меня, но я почувствовал в ее взгляде интерес.

За ужином она рассказывала нам новости, шутила, а я порой ловил ее взгляд. Помню, что это было ранней весной тридцать шестого года, мне исполнилось в апреле восемнадцать лет. Она поинтересовалась, состою ли я в комсомоле.

– Не достоин, – резко ответил я.

– Это почему? – не обращая внимания на мой тон, поинтересовалась Кира.

Я рассказал свою историю. Отец, более мудрый, перебил меня:

– Какие середняки-бедняки! Из-за девки они с вашим секретарем сцепились. Та девка уже замужем, ребенка родила. Дело прошлое, а Бондарь все забыть не может.

Мне показалось, что Кира, узнав, что я давно не встречаюсь с Зиной (и вообще ни с кем не встречаюсь, так как работы много), поглядела на меня более внимательно и решительно заявила:

– Такие отсталые взгляды противоречат линии партии и комсомола. Я переговорю завтра с партторгом.

После ужина Кира попросила меня показать Коржевку. Весна уже подступала, но к вечеру хорошо подмораживало. Мне было приятно пройтись с симпатичной девушкой, да еще и «городской». Но я знал нравы нашего села. Завтра будут сплетничать и нести что на ум взбредет. Затея прогуляться вместе уже не казалась мне столь привлекательной.

И действительно, все встречные здоровались, провожали нас многозначительными взглядами. Кира приветливо здоровалась в ответ, держалась непринужденно, видно, что она привыкла общаться с людьми. Заметив мое смущение, Кира засмеялась:

– Боишься, что невеста заревнует?

– Нет у меня никакой невесты, – мой ответ прозвучал поспешно и как-то бурчливо.

– Почему? Парень ты видный, мышцы вон какие.

Она слегка сжала мою руку выше локтя. Какое-то время мы шли как бы под руку. Я осторожно освободил руку. Так у нас ходили женихи с невестами, молодожены. Кира поняла мое смущение и перевела разговор на другую тему. Мы болтали о всякой всячине, я понемногу оттаивал.

– Дальше учиться не собираешься? – спросила она.

Не скрывая, я рассказал о своей мечте поступить в военное училище, но здесь наверняка станет препятствием моя анкета. Мало того, что из семьи крестьянина-середняка, да еще и не комсомолец.

– Ваш Бондарь живет отсталыми понятиями, – возмущенно сказала Кира. – Еще товарищ Ленин говорил, что нам необходим крепкий союз с крестьянином-середняком. Сейчас ты никакой не середняк, а колхозный пролетарий. Ты ведь строителем работаешь?

При свете луны я отчетливо видел лицо Киры. Она была хороша, особенно когда разгорячилась. Красивые губы, короткостриженные каштановые волосы, вязаный берет и эта кожаная «комиссарская» куртка.

Когда заходили в калитку, получилось, что я пропустил Киру вперед, но она задержалась, и мы оказались друг к другу вплотную, лицом к лицу. Я замешкался, Кира тоже. Я чувствовал ее дыхание и вдруг неожиданно для себя поцеловал ее в щеку.

– Тогда уж лучше в губы, – хрипло проговорила девушка и прижалась ко мне.

Со стороны это выглядело бы нелепо. Мы целовались, торопясь захлопнуть за собой калитку, – не дай бог кто увидит. Рядом прыгал наш дворовый пес. Заскрипели двери в сенях, и мы отпрянули друг от друга.

– Прогулялись? – спросила сестра Катя. – Холодно небось. Вон ветром как надуло, лица красные у обоих. Чай пойдем пить.

На следующий день инструктор райкома комсомола Кира Мельникова уехала на попутной подводе в другое село. Мы увиделись лишь мельком, я уходил на работу рано. Перекинулись несколькими ничего не значащими словами и попрощались, будто ничего и не было.

А меня и еще двух-трех парней из числа строителей и тракторной бригады пригласили на срочно созванное комсомольское собрание. Пришел даже секретарь парткома и выговорил нашему «главному комсомольцу» Бондарю, что он мало уделяет внимания сельскому пролетариату.

– Сегодня Василий Гладков коровники строит, а завтра Днепрогэс возводить будет. А Захар Давыдов? Лучший слесарь в тракторной бригаде. Что, не достоин быть в комсомоле?

Бондарь побаивался секретаря парткома. Кроме того, до него дошел слух, что меня поддерживает райком комсомола. Вопрос с приемом меня и других ребят решился быстро.

С Кирой мы встретились снова спустя месяц, когда она привезла в село кандидатские карточки. Но общение наше было скованное, Кира опасалась сплетен, и я ее понимал.

В том году мне не удалось поступить в училище. Я слишком поздно подал документы. Проходил в Инзе медицинскую комиссию, какие-то проверки и собеседования, и в конце концов получил ответ, что я зачислен в резерв, буду направлен на учебу, как только представится возможность.

Зато мы почти каждый день встречались с Кирой. Она занимала комнату в доме для приезжих при Горсовете. Иногда я даже оставался у нее ночевать. Уезжая в Коржевку, я предложил Кире пожениться. В ответ она невесело улыбнулась:

- Не надо пока об этом. Тебе всего восемнадцать лет.
- Ну и что? Я работаю, и родители против не будут.
- Сомневаюсь, – покачала она головой. – Кроме того, я собираюсь учиться.

Была ли между нами любовь, о которой часто пишут в книгах? Я нравился Кире, а она стала первой женщиной в моей жизни. Казалось, что больше мне никого не надо. Мы устроимся у нас в селе, а если Кира не захочет, я поеду в Инзу. При этом я не задумывался, что накрепко привязан к колхозу. У меня даже паспорта не было, а из документов имелась лишь кандидатская карточка КИМ (Коммунистического интернационала молодежи) и удостоверение о сдаче норм ГТО.

Летом Кира уехала в Саратов и поступила в университет, прислав мне короткое письмо. Больше писем я от нее не получал, ответы на мои письма не приходили. Я переживал разлуку и однажды даже крепко выпил.

Вообще алкоголь я практически не употреблял. Да и в селе до войны выпивали мало. Выходные дни выпадали лишь поздней осенью и зимой, плюс работа по хозяйству. Чаше ограничивалось бражкой, настоящей на красной смородине. На свадьбу или какие-то важные события гнали самогон (его называли «перегонка»). Водку покупали редко – дорого. Ведь денег в колхозе мы не получали.

Отец за ту выпивку мне нотаций не читал, но неодобрительно покачал головой и сказал: – Как Петя-дурачок хочешь быть?

Был у нас такой никчемный мужик, шатался без дела, выпрашивал выпивку и жил бобылем в полуразваленной избе.

– Больше не повторится, – пообещал я.

В мае 1937-го я получил повестку из военкомата, снова прошел медкомиссию и был направлен в Буйнакское военное училище. Вообще-то я просился в Саратов, зная, что там имеются несколько училищ.

– Саратов же ближе, – наивно сказал я, не желая раскрывать главную причину своей просьбы: остаться ближе к Кире Мельниковой.

– А что такое приказ, ты еще не знаешь? – жестко проговорил военком. – Пришли запросы из Буйнакского училища. Через день-два отправим вас. Молодец, что в дорогу нормально собрался.

Он оглядел мои старые, но еще крепкие башмаки, вещмешок с едой и запасным бельем.

В тот день я узнал, что город Буйнакск (бывший Темир-Хан-Шура) назван так в честь участника борьбы за советскую власть в Дагестане Уллубия Буйнакского, погибшего в 1919 году, и расположен в 40 километрах от Махачкалы.

Далеко от дома! У меня сразу и настроение испортилось. Я рассчитывал, что буду учиться где-нибудь поближе. Один из будущих курсантов сказал:

– Дагестан – это еще ничего. Могли отправить в Томск или Хабаровск. Япошки по-прежнему шебуршатся, там крепкую группировку сколачивают, особенно после ареста генералов-предателей.

Он имел в виду маршалов Тухачевского, Якира и других, обвиненных в заговоре и расстрелянных. Я в ответ промолчал. Что я мог знать, проживая в сельской глубинке? А отец меня еще с детства отучил болтать языком, если в чем-то не разбираешься.

До Буйнакска добирались четыре дня. Оказалось, что мы приехали рано, занятия еще не начались. Группу будущих курсантов использовали на строительных и земляных работах. Кому-то это не нравилось, но для меня труд был привычным делом.

Нам выдали временно старую военную форму. Начальник училища не терпел, когда на территории болтаются «всякие штатские». Работали по восемь-девять часов, кормили нас

хорошо – мясо было каждый день. Правда, в основном мясо буйвола, а по утрам – сливочное масло, каша и горячий сладкий чай.

Главное, мы постепенно втягивались в военную службу. Я познакомился со своим будущим командиром взвода лейтенантом Шишкиным. Было ему лет тридцать, добродушное лицо и очень спокойный характер.

Так как я был неплохим строителем, Шишкин меня выделял и назначил кем-то вроде бригадира. Иногда меня отпускали в город, выдавая каждый раз заверенный печатью пропуск. Помню местный базар, который ломился от обилия фруктов и овощей. Денег у меня было немного, но хватало, чтобы попробовать очень сладкий виноград, абрикосы, черешню.

Попробовал я и местное вино. Наскреб мелочи на стакан, а вторым стаканом меня угостил хозяин, дав на закуску твердый, но вкусный рассыпчатый чурек. Я поблагодарил его. Еще меня хотели угостить какие-то бородатые мужчины, но я отказался и поспешно вышел из подвального.

Несмотря на «полную победу советской власти», в горах скрывались люди, настроенные враждебно к новой власти. Не скажу, что там постоянно велась какая-то война, но нас предупреждали, чтобы мы не шатались по окраинам.

Первого сентября началась учеба. Третий батальон, в который я попал, представлял собой целый городок со своим штабом, хозяйством, столовой. Я был зачислен во взвод лейтенанта Шишкина, в первую роту. Новой формы на всех не хватало, но мне достался вполне приличный комплект обмундирования, крепкие сапоги и суконный шлем-буденовка с большой красной звездой.

Запомнилось, что будил нас не дежурный по роте, а ишак, который заводил свою «песню», словно знал, что нам скоро вставать. Это сразу настраивало на веселый лад, хотя некоторые ребята бурчали, что им не дали доспать пять-десять минут.

Подъем был в шесть часов утра (летом в 5.30), зарядка и обязательный стрелковый тренаж 20 минут. Не знаю, был ли такой порядок в других училищах, но тренаж запомнился мне особенно.

С первых дней нас приучали к оружию, чтобы винтовками мы владели, как портной своей иглой. За 3–4 секунды требовалось сдернуть винтовку с плеча, дослать в ствол холостой патрон, прицелиться и «выстрелить» в цель. Поначалу мне казалось это невозможным, но тренировки делали свое дело, и я укладывался в положенные три секунды.

После завтрака на шесть часов уходили быстрым шагом (или бегом) в горы. С полной выкладкой: винтовка, противогаз, подсумки, учебные гранаты, фляжка с водой и шинельная скатка. На месте занимались тактической подготовкой, ходили в атаку, рыли окопы, оборонялись.

Я подружился со многими ребятами, но ближе всех сошелся с Гришей Чередником из поселка Яблоневый Овраг, который расположен в живописных Жигулевских горах на берегу Волги. Гриша не отличался особой физической силой, но был образован, окончил десятилетку, проучился один курс в институте. Наши двухъярусные койки стояли рядом, и мы быстро подружились.

Немного отвлекаясь от темы учебы, скажу, что у обоих неудачно сложилась первая любовь. Я больше года не имел никаких вестей от Киры Мельниковой, позже сестра Катя написала мне, что она вышла замуж.

Гриша встречался со своей однокурсницей, но когда он уехал в училище, получил одно другое письмо, и его подружка замолчала. Нашла кого-то другого.

Теперь снова об учебе. После обеда нам давали час на сон, и начинались теоретические дисциплины: уставы, связь, химзащита, строевая подготовка. Много внимания уделялось штыковому бою.

В ходу была знаменитая суворовская поговорка: «Пуля – дура, а штык молодец». Несмотря на то что отношения с Германией были в то время более-менее нормальные, мало кто сомневался, что нам придется рано или поздно столкнуться с германским фашизмом.

«Немец штыка боится!» – часто приходилось слышать. Поэтому занимался с азартом.

Тренировались, разбившись на пары, постигая разные хитрости, или кололи соломенные чучела. «Коротким коли! Длинным коли!» Только ключья от чучел летели. Умелое владение штыком в будущем мне не раз спасало жизнь.

Но время штыковых атак и поединков уходило в прошлое – армии всех развитых стран все более насыщались автоматическим оружием. Например, стрелковый полк Красной армии по штатам 1939 года (2900 бойцов и командиров) имел на вооружении 58 станковых пулеметов «максим» и 80 ручных пулеметов Дегтярева.

В армии Германии в пехотном полку имелось 26 станковых пулеметов и 85 – легких. Но к легким пулеметам немцы относили и новые мощные «машингеверы» МГ-34 со сменными стволами и металлической патронной лентой. Они значительно превосходили наши Дегтяревы и могли состязаться с «максимами».

Следует отметить, что в немецких полках в тот период состояло на вооружении довольно много устаревших станковых пулеметов МГ-08, (похожие на наши «максимы») и ручных пулеметов МГ-08/15 «Шпандау», массой около 15 килограммов, громоздких и не слишком удобных в маневренном бою.

Кроме того, немецкие пехотные роты (особенно штурмовые) имели на вооружении пистолеты-пулеметы. Кроме устаревших автоматов системы Гуго Шмайссера, применявшихся еще в Первой мировой войне, они имели на вооружении австрийские пистолеты-пулеметы Бергмана. А с 1938 года, после выпуска пистолета-пулемета МП-38 (затем МП-40), это оружие стало поступать в войска массово.

У нас к пистолетам-пулеметам отношение высшего командования сложилось довольно прохладное. Было выпущено около пяти тысяч автоматов ППД-34 системы Дегтярева, но почти все они осели на складах. Хотя пограничные войска были неплохо обеспечены автоматическим оружием, и в том числе американскими пистолетами-пулеметами «Томпсон».

Позже, в ходе войны с Финляндией, отношение к этому оружию изменится.

В нашем училище неплохо была организована огневая подготовка, которая проводилась три раза в неделю. До стрельбища добирались только бегом – восемь километров туда, столько же обратно. В месяц после первых недель теории выпускали по мишеням до сотни патронов. Кроме винтовок стреляли из ручного пулемета Дегтярева. Сотня патронов в месяц – это нормальное количество для хорошей тренировки. Тем более стреляли с разных расстояний, по разным мишеням, в том числе двигающимся.

Целая наука была овладеть ручным пулеметом. Лейтенант Шишкин, опытный командир, учил нас плотно вдавливать сошки Дегтярева в землю, а приклад крепко прижимать к плечу. Отдача при очередях в 5–7 выстрелов была сильная. Не удержишь пулемет как следует, пули уходят вразброс. Длинными очередями, которые эффектно смотрятся в кинофильмах, Шишкин стрелять запрещал.

– Это вам не коса, чтобы траву скашивать, – говорил лейтенант. – В цель попадут лишь первые пули. Остальные в «молоко» уйдут, да и перегревается «Дегтярев» быстро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.